КРОПОТКИНЪ.

РХІЯ.

Изданіе
ЛИСТКОВЪ „ХЛѢБЪ И ВОЛЯ“
№ 6.

ЛОНДОНЪ 1912

ФОНД РЕДКИХ ИЗДАНИЙ

Въ книжкѣ «Современная Наука и Анархизмъ», изложивши положеніе занимаемое ученіемъ объ Анархіи въ современномъ міросозерцаніи, я не сталъ подробно излагать Анархію, а сослался на другія свои, раньше изданныя работы.

Приготовляя теперь новое французское и англійское изданіе той же книжки, я написалъ недостававшія главы объ Анархіи, которыя и выходятъ теперь въ этой брошюрѣ. Онѣ вполнѣ независимы отъ книги «Современная Наука и Анархизмъ», но представляютъ необходимое ея дополненіе.

Изъ другихъ моихъ работъ о томъ же укажу на «Рѣчи Мятежника» (Paroles d'un Révolté), и «Хлѣбъ и Воля» (La Conquête du Pain), а также: «Анархія, ея Философія и Идеалъ», «Анархическій Коммунизмъ, его положенія и начала» (по французски названа «Temps Nouveaux») и «Анархія, ея положенія въ развитіи Соціализма». Онѣ пояснятъ то, что здѣсь высказано, можетъ быть, въ слишкомъ краткой формѣ.

П. К.

Лондонъ
Апрѣль, 1912.

659
34

I.

Основныя положенія. — Идеалъ Анархіи выражался въ исторіи въ народномъ творчествѣ.

Въ силу различныхъ историческихъ, политическихъ и экономическихъ данныхъ, а также въ силу уроковъ новѣйшей исторіи, у анархистовъ сложился свой взглядъ на общество, совершенно иной, чѣмъ у всѣхъ политическихъ партій, стремящихся къ захвату государственной власти въ свои руки.

Мы представляемъ себѣ общество въ видѣ организма, въ которомъ отношенія между отдѣльными его членами опредѣляются, не законами—наслѣдіемъ историческаго гнета и прошлаго варварства, не какими бы то ни было властителями, избранными, или же получившими власть по наслѣдію, —а взаимными соглашеніями, свободно состоявшимися, равно какъ и привычками и обычаями, такъ же свободно признанными. Эти обычаи, однако, не должны застывать въ своихъ формахъ и превращаться въ нѣчто незыблемое, подъ вліяніемъ законовъ или суевѣрій; они должны постоянно развиваться, примѣняясь къ новымъ требованіямъ жизни, къ прогрессу науки и изобрѣтеній и къ развитію общественнаго идеала, все болѣе разумнаго, все болѣе возвышеннаго.

Такимъ образомъ—отсутствіе властей, которыя навязывали бы другимъ свою волю. Отсутствіе владычества человѣка надъ человѣкомъ. Отсутствіе неподвижности въ жизни и, вмѣсто того—постоянное движеніе впередъ, то болѣе скорое, то замедленное, какъ бываетъ въ жизни самой природы. Таковъ идеалъ Анархіи.

Каждому отдѣльному лицу предоставляется, такимъ образомъ, свобода дѣйствій, чтобы оно могло развить всѣ свои естественныя способности, свою индивидуальность, т. е. все то, что въ немъ можетъ быть своего, особеннаго. Другими словами – никакого навязыванія отдѣльному лицу какихъ бы то ни было дѣйствій подъ угрозой общественнаго наказанія, или же сверхестественнаго возмездія: общество ничего не требуетъ отъ отдѣльнаго лица, чего это лицо само не согласно, добровольно, въ данное время, исполнить. Наряду съ этимъ, —полнѣйшее равенство въ правахъ для всѣхъ.

Мы представляемъ себѣ общество равныхъ, не допускающихъ въ своей средѣ никакого принужденія; и, не смотря на такое отсутствіе принужденія, мы нисколько не боимся, чтобы въ обществѣ равныхъ, вредные обществу поступки отдѣльныхъ его членовъ могли бы принять угрожающіе размѣры. Общество людей свободныхъ и равныхъ сумѣетъ лучше защитить себя отъ такихъ поступковъ, чѣмъ наши современныя государства, которыя поручаютъ защиту общественной нравственности полиціи, сыщикамъ, тюрьмамъ — университетамъ преступности, — тюремщикамъ, палачамъ и судамъ. Въ особенности сумѣетъ оно предупредить самую возможность противо-общественныхъ поступковъ.

* *
*

Ясно, что до сихъ поръ нигдѣ еще не существовало общества, которое на дѣлѣ примѣняло бы эти основныя положенія. Но во всѣ времена въ человѣчествѣ было стремленіе къ ихъ осуществленію. Каждый разъ, когда нѣкоторой части человѣчества удавалось, хоть на время,

свергнуть угнетавшую его власть, или же уничтожить укоренившіяся неравенства (рабство, крѣпостное право, своевластіе, владычество извѣстныхъ кастъ или классовъ); всякій разъ, когда новый лучъ свободы и равенства проникалъ въ общество, всегда народъ, всегда угнетенные старались, хотя бы отчасти, провести въ жизнь эти самыя основныя положенія.

Поэтому мы вправѣ сказать, что Анархія представляетъ собой извѣстный общественный идеалъ, существенно отличающійся отъ всего того, что до сихъ поръ восхвалялось большинствомъ философовъ, ученыхъ и политиковъ, которые всѣ хотѣли управлять людьми и давать имъ законы. Идеаломъ господствующихъ классовъ Анархія никогда не была. Но за то она часто являлась болѣе или менѣе сознаннымъ идеаломъ массъ.

***

Ошибочно было бы однако сказать, что анархическій идеалъ общества представляетъ собою утопію. Всякій идеалъ представляетъ стремленіе къ тому, что еще не осуществлено, тогда какъ слову „утопія“ въ обыденной рѣчи придается значеніе чего-то неосуществимаго. Въ сущности, слово „утопія“ должно было бы примѣняться только къ такимъ представленіямъ объ обществѣ, которыя основаны лишь на томъ, что писателю представляется теоретически желательнымъ, и никогда—къ представленіямъ, основаннымъ на наблюденіи того, что уже совершается въ обществѣ. Такимъ образомъ въ число утопій должны быть включены: Республика Платона, Всемірная церковь, о которой мечтали папы, Наполеоновская Имперія, мечтанія Бисмарка, Мессіанизмъ поэтовъ, ожидающихъ появленія спасителя, который возвѣститъ міру великія идеи обновленія, и т. д. Но совершенно ошибочно примѣнять слово „утопія“ къ предвидѣніямъ, которыя, подобно Анархіи, основаны на изученіи направленій, уже обозначающихся въ обществѣ, въ его теперешнемъ,

постепенномъ развитіи. Здѣсь мы выходимъ изъ области утопистическихъ мечтаній и вступаемъ въ область положительнаго знанія.

Въ данномъ случаѣ, тѣмъ болѣе ошибочно говорить объ утопіи, что отмѣченныя нами стремленія играли уже не разъ чрезвычайно важную роль въ исторіи человѣчества. Въ дѣйствительности они послужили основаніемъ для такъ-называемаго Обычнаго Права—Права, господствовавшаго въ Европѣ среди милліоновъ людей, съ пятаго по шестнадцатое столѣтіе. Эти стремленія стали теперь вновь проявляться въ образованныхъ обществахъ, послѣ того, какъ въ теченіи трехъ столѣтій Европа производила у себя опыты съ государственною формою общежитія. И на этомъ наблюденіи, вѣрность котораго не ускользнетъ отъ вниманія всякаго, кто изучалъ исторію цивилизаціи, основывается наша увѣренность въ томъ, что Анархія представляетъ собою идеалъ возможный, осуществимый.

* *
*

Намъ, конечно, говорятъ, что отъ идеала далеко до его осуществленія. Несомнѣнно такъ. Но не мѣшаетъ помнить, что въ концѣ 18-го столѣтія—въ то самое время, когда созидались Соединенные Штаты Сѣверной Америки, среди очень умныхъ людей въ Европѣ желаніе создать извѣстной величины общество съ республиканскимъ строемъ правленія считалось безсмыслицей: республика, говорили тогда, можетъ существовать только маленькая, какъ Швейцарія или Штаты Голландіи. А между тѣмъ республики Сѣверной и Южной Америки, а затѣмъ и Франція, доказали, что утописты были не со стороны республиканцевъ, а со стороны монархистовъ.

„Утопистами“ были всегда тѣ, кто, въ силу своихъ личныхъ желаній, не хотѣлъ принимать во вниманіе новыя, уже намѣчавшіяся стремленія; тѣ, кто приписывалъ слишкомъ большую устойчивость тому, что уже стало достояніемъ прошлаго, не замѣчая, что это

прошлое было послѣдствіемъ преходящихъ историческихъ условій.

* *
*

Изучая-же происхожденіе анархизма, мы всегда наталкиваемся на два главныхъ его источника: съ одной стороны, критика государственныхъ, іерархическихъ организацій и представленій о власти вообще, а съ другой стороны—разборъ тѣхъ направленій, которыя постоянно намѣчались и намѣчаются въ поступательномъ движеніи человѣчества.

Съ самыхъ отдаленныхъ временъ каменнаго вѣка люди должны были видѣть, какія происходятъ плачевныя послѣдствія, какъ только они позволяютъ завладѣть властью кому-нибудь изъ своей среды, хотя бы то былъ самый умный, самый храбрый, самый мудрый изъ нихъ. Вотъ почему наши предки, уже въ самыя отдаленныя времена, старались выработать такія учрежденія, которыя мѣшали бы отдѣльнымъ лицамъ захватывать власть. Ихъ племена, ихъ роды, а въ болѣе поздній періодъ—деревенская община, средневѣковые цѣхи (цѣхи добраго сосѣдства, цѣхи ремеслъ и искусствъ, купцовъ, охотниковъ и т. п.) и, наконецъ, вольные города или «народоправства» (какъ ихъ совершенно вѣрно называетъ Костомаровъ) съ двѣнадцатаго по шестнадцатый вѣкъ,—все это были учрежденія, возникшія среди народа. Они установлены были не предводителями и не вожаками, а самимъ народомъ, чтобы противодѣйствовать захвату власти иноземными завоевателями, или отдѣльными членами своего же рода, племени, или города.

То-же направленіе народной мысли проявилось въ религіозныхъ движеніяхъ народныхъ массъ, во всей Европѣ, во время движенія Гусситовъ въ Богеміи и анабаптистовъ въ Западной части Европы. Эти движенія, носившія въ себѣ зачатки анархической противу-государственной мысли, послужили, какъ извѣстно, предтечами, подготовленіемъ Реформаціи и крестьянскихъ возстаній шестнадцатаго вѣка.

Гораздо позже, въ 1793—1794 годахъ, во Франціи, мы снова видимъ проявленіе такого-же *народнаго* творчества и такой же независимо-народный образъ дѣйствій въ удивительно плодотворной дѣятельности «секцій», т. е. «отдѣловъ» города Парижа и другихъ большихъ городовъ, равно какъ и цѣлаго ряда маленькихъ общинъ во время Великой Революціи (См. подробно объ этомъ въ моей книгѣ о Французской Революціи).

И, наконецъ, еще позже мы встрѣчаемъ тотъ же духъ въ рабочихъ союзахъ, образовавшихся въ Англіи и Франціи, какъ только стала развиваться въ этихъ странахъ современная промышленность, причемъ эти союзы слагались и дѣйствовали, несмотря на драконовскіе законы, направленные противъ нихъ. И здѣсь мы снова наталкиваемся на тотъ же народный духъ, который старается защитить себя—на этотъ разъ отъ насилія капиталистовъ и ихъ пособниковъ—Церкви и Государства.

II.

Понятія анархизма у древнихъ: — въ средніе вѣка; — въ концѣ 18-го и въ срединѣ 19-го вѣка: Годвинъ. — Прудонъ. — Штирнеръ.

Народныя движенія — плодъ народнаго творчества — не могли не отразиться въ литературѣ. Дѣйствительно мы встрѣчаемъ анархическія мысли уже у древнихъ философовъ, а именно у Лао-Тзе въ Китаѣ и у нѣкоторыхъ древнѣйшихъ греческихъ философовъ, какови Аристиппъ и цинники, а также у Зенона и нѣкоторыхъ стоиковъ.

Впрочемъ, такъ какъ анархическая мысль рождалась главнымъ образомъ среди массъ, а не среди немногочисленной аристократіи ученыхъ, и эти послѣдніе мало сочувствовали народнымъ движеніямъ, то мыслители обыкновенно и не старались выяснить ту глубокую мысль, которой всегда вдохновлялись народныя движенія. Во всѣ времена философы и ученые предпочитали покровительствовать государственному направленію мысли и духу іерархической, лѣстничной подчиненности. Еще въ тѣ времена, когда только занималась заря науки, ихъ любимымъ предметомъ изученія было искусство управленія людьми, а потому, нечего удивляться, что такъ рѣдки были философы съ анархическимъ направленіемъ мысли.

Однако однимъ изъ таковыхъ былъ греческій стоикъ Зенонъ. Онъ проповѣдывалъ свободную общину, безъ правительства, и противопоставлялъ ее правительственной утопіи,— Республикѣ Платона. Зенонъ уже указывалъ на инстинктъ общественности въ человѣкѣ, который, по его словамъ, природа развила, какъ противовѣсъ инстинкту самосохраненія. Онъ предвидѣлъ то время, когда люди соединятся, не взирая на границы, и составятъ «Космосъ», Вселенную,—не нуждаясь больше ни въ законахъ, ни въ судахъ, ни въ храмахъ, ни въ деньгахъ, чтобы обмѣниваться взаимными услугами. Даже его выраженія, повидимому, поразительно сходны съ выраженіями, употребляемыми теперь анархистами *).

Епископъ Альбокій, Маркъ Джироламо Вида, исповѣдовалъ подобные же взгляды противъ государства, противъ его законовъ и его „высшей несправедливости“ **). Тѣже мысли мы встрѣчаемъ также у Гусситовъ (особенно у Хоецкаго, въ пятнадцатомъ столѣтіи), и у первыхъ Анабаптистовъ, также какъ у ихъ предшественниковъ девятаго вѣка, — армянскихъ раціоналистовъ.

Рабле, въ первой половинѣ шестнадцатаго вѣка, Фенелонъ къ концу того же столѣтія и, главнымъ образомъ, энциклопедистъ Дидро, во второй половинѣ восемнадцатаго вѣка, развивали тѣже мысли, которыя, какъ мы уже сказали, начали примѣняться до нѣкоторой степени въ независимой дѣятельности «Отдѣловъ» и Коммунъ (общинъ) во время Великой Французской Революціи.

Но первымъ изложилъ политическія и экономическія положенія Анархизма англичанинъ Уильямъ Годвинъ, въ 1793 году, въ своемъ Изслѣдованіи относительно Политической Правды и ея вліянія на общую нравственность и счастье. Онъ не употреблялъ

*) См. о Зенонѣ въ трудѣ профессора Адлера о Соціализмѣ. По исторіи анархіи, см. мою статью «Анархія» въ Британской Энциклопедіи, одиннадцатое изданіе.

**) Dr. E. Nys, Researches in the History of Economics. (Изслѣдованіе по исторіи Политической Экономіи).

лова Анархія, но очень хорошо излагалъ ея основныя положенія, нападая на законы, доказывая ненужность Государства и говоря, что только съ уничтоженіемъ судовъ будетъ достигнуто настоящее право судіе,—единственное настоящее основаніе всякаго общества. Что касается собственности, то онъ прямо требовалъ коммунизма. *)

Прудонъ первый употребилъ слово «Анархія» въ смыслѣ общественнаго строя безъ правительства и первый подвергъ строгой критикѣ тщетныя усилія людей дать себѣ правительство, которое мѣшало бы богатымъ угнетать бѣдныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ оставалось бы подъ учетомъ управляемыхъ. Тщетныя попытки, дѣлавшіяся во Франціи, начиная съ 1793-го года, чтобы дать себѣ конституцію, которая отвѣчала бы этой двойственной цѣли, и неудача революціи 1848-го года доставили ему, конечно, богатый матеріалъ для такой критики.

* * *

Прудонъ былъ врагомъ всякихъ формъ государственнаго соціализма; коммунисты же того времени (тридцатые и сороковые годы девятнадцатаго вѣка) являлись одною изъ разновидностей государственнаго соціализма; а потому Прудонъ безпощадно разбиралъ и отрицалъ всѣ планы подобной революціи. Принимая за основаніе „марки труда“ **), предложенныя Робертомъ Оуэномъ, онъ развивалъ, вмѣсто того, понятіе о Взаимности (Мютюализмѣ), которое сдѣлало бы излишнимъ всякое политическое правительство.

*) Это мѣсто находится въ первомъ изданіи 1793-го года въ двухъ томахъ in 4-o. Во второмъ изданіи, сдѣланномъ въ 1796 году въ двухъ томахъ, in 8-o, послѣ тѣхъ преслѣдованій, которыя англійское правительство направило противъ друзей и политическихъ союзниковъ Годвина, онъ выкинулъ изъ своей книги то, что писалъ въ первомъ изданіи противъ Государства и противъ правительства.

**) Марки труда—по англійски labour cheques, по французски —bons du travail—это чеки или ассигнаціи, обозначающіе

Такъ какъ, говорилъ Прудонъ, мѣновая цѣнность всѣхъ товаровъ можетъ быть измѣряема только количествомъ труда, необходимаго въ данное время въ обществѣ для производства каждаго товара, то весь обмѣнъ товаровъ въ обществѣ можетъ производиться при посредствѣ Національнаго Банка, который принималъ бы въ уплату за товары «марки труда». Clearing House, т. е. особая Счетная Контора, какъ это теперь дѣлается банками, опредѣлялъ бы каждый день разницу между приходомъ и слѣдуемыми платежами всѣхъ отдѣленій Національнаго Банка *).

Услуги, которыми такимъ образомъ обмѣнивались бы различныя лица, были бы равно-значущими, т. е. представляли бы одинаковыя цѣнности. Кромѣ того, Національный Банкъ былъ бы въ состояніи давать взаймы производителямъ, объединеннымъ въ производительные союзы, суммы необходимыя для ихъ производства,—но не деньгами, а марками труда. Въ результатѣ, по этимъ займамъ не приходилось бы платить процентовъ, такъ какъ вмѣсто частнаго капиталиста заимодателемъ являлась бы нація, — весь народъ, оказывающій другъ-другу кредитъ при посредствѣ Національнаго банка. А чтобы покрыть издержки по управленію Банкомъ, достаточно было бы платить одинъ процентъ въ годъ съ одолженной суммы, или даже меньше полъ-процента.

одинъ, два, три, десять и т. д. часовъ труда (съ ихъ подраздѣленіемъ на минуты), которые выдавались бы рабочему въ уплату за его трудъ Банкъ могъ бы принимать ихъ совершенно также, какъ теперь принимаются чеки, или денежные знаки (звонкая монета или ассигнаціи).

*) Въ Англіи, и вообще въ странахъ съ развитою торговлею, уплаты производятся чеками, въ частной жизни, какъ и въ торговлѣ. Вмѣсто того, чтобы платить деньгами, платятъ чекомъ на свой банкъ. Банки же и ихъ отдѣленія пересылаютъ каждый день списокъ всѣхъ полученныхъ за день чековъ на разные другіе банки, и Clearing House подводитъ ежедневно балансъ задолженности каждаго банка, вмѣсто того, чтобы пересылать другъ другу чеки и по каждому чеку получать платежи.

При такихъ условіяхъ безпроцентныхъ займовъ, Капиталъ потерялъ бы слой вредный характеръ: онъ пересталъ бы быть средствомъ эксплуатаціи.

Прудонъ подробно развилъ свою систему взаимности, доказывая фактами свои мысли о ненужности и вредѣ государства и правительства. Но, надо замѣтить, что экономическая часть его программы была еще раньше, въ 1829 году, развита въ Англіи Уильямомъ Томсономъ, очень извѣстнымъ экономистомъ, который проповѣдывалъ взаимность раньше, чѣмъ сдѣлался коммунистомъ. Ту-же мысль развивали потомъ англійскіе продолжатели Томсона—Джонъ Грэй (John Gray, 1825—1831) и І. Т.Брэй (J. T. Bray, 1839).

***

Въ Соединенныхъ Штатахъ то же направленіе было представлено Джошуа Уорреномъ (Joshua Warren), который, бывши сначала членомъ колоніи Оуэна, „Новая Гармонія“, сдѣлался противникомъ коммунизма и основалъ въ 1827 году въ Цинциннати „Складъ“, гдѣ продукты обмѣнивались на основаніи часовъ работы, оплаченныхъ „чеками труда“ (трудовыми марками). Подобныя учрежденія существовали еще въ 1865 году, подъ названіемъ Справедливыхъ Складовъ, Справедливыхъ Домовъ и Справедливыхъ Деревень*).

Ту-же мысль объ обмѣнѣ произведенныхъ полезностей, измѣряя цѣнность каждой изъ нихъ количествомъ труда, потребнаго для ея производства, проповѣдовали въ Германіи, въ 1843—1845 году, Моисей Гессъ и Карлъ Грюнъ, а въ Швейцаріи — Вильгельмъ Марръ. Они, такимъ образомъ, боролись противъ ученія о государственномъ коммунизмѣ, которое проповѣдывалъ Вейтлингъ, въ своихъ тайныхъ кружкахъ, — очевидно являвшихся преемниками французскихъ послѣдователей Бабефа (бабувистовъ).

*) Equity Stores, Equity Villages and Equity Houses. Англійское слово Equity содержитъ, кромѣ понятія «справедливость», также и понятіе «равенство».

Съ другой стороны, въ Германіи, въ противовѣсъ начальственному коммунизму Вейтлинга, находившему довольно многочисленныхъ сторонниковъ среди рабочихъ, одинъ нѣмецкій гегеліанецъ, Максъ Штирнеръ (его настоящее имя было Іоаннъ Каспаръ Шмидтъ), опубликовалъ въ 1845 году свою работу „Единственный и его достояніе“ которая нѣсколько лѣтъ тому назадъ была, такъ сказать, вновь открыта Макаемъ (Mackay) и произвела большой шумъ въ нашихъ анархическихъ кругахъ, гдѣ нѣкоторые смотрѣли на нее, какъ на своего рода манифестъ анархистовъ-индивидуалистовъ.

Работа Штирнера представляетъ собой возмущеніе противъ Государства и новой тиранніи, которая установилась бы, если-бы государственному коммунизму удалось восторжествовать. Разсуждая какъ истый метафизикъ-гегельянецъ, Штирнеръ проповѣдовалъ возрожденіе человѣческаго „Я“ и „Главенство“ отдѣльной личности. Такимъ образомъ онъ приходилъ къ проповѣди „а-морали“, т. е. отсутствія нравственности и „Сообщества эгоистовъ“.

Ясно, однако, какъ на это уже указывали писатели анархисты и еще недавно французскій профессоръ В. Башъ (Basch) въ своемъ интересномъ трудѣ, „Анархистскій индивидуализмъ: Максъ Штирнеръ (Парижъ 1904 г.), что этотъ родъ индивидуализма, требуя „полнаго развитія“—не для всѣхъ членовъ общества, но только для тѣхъ, которые будутъ признаны самыми способными, не заботясь о развитіи всѣхъ,—является скрытымъ возвратомъ къ существующей теперь монополіи досуга, обезпеченности и образованія въ пользу небольшого количества людей, подъ покровительствомъ Государства. Это ничто иное, какъ „право на полное развитіе“ для привиллегированнаго меньшинства,—т. е. право, которое только и можетъ существовать при условіи обезпеченія этого права Государствомъ.

Дѣйствительно, допустивши даже, что подобная монополія желательна,—что было бы совершенно нелѣпо—она

не могла бы существовать безъ покровительства подобающаго законодательства, безъ власти, организованной въ государствѣ. Такимъ образомъ требованія индивидуалистовъ въ родѣ Штирнера обязательно приводятъ ихъ обратно къ идеѣ Государства и власти, которую они сами такъ хорошо критикуютъ. Ихъ положеніе—подобно положенію Спенсера, или школы буржуазныхъ экономистовъ, извѣстной подъ именемъ манчестерской, которые также начинаютъ съ суровой критики Государства, но кончаютъ признаніемъ его отправленій, для поддержанія монополіи собственности, которой лучшимъ покровителемъ всегда было Государство. Безъ Государства, монополія личной собственности и всякихъ „Я“, воображающихъ себя «сверхъ-человѣками», — невозможна.

III

Соціалистическая мысль въ Интернаціоналѣ.— Государственные Коммунисты и послѣдователи «Взаимности».

Мы вкратцѣ познакомились съ развитіемъ анархической мысли, начиная съ французской революціи и Годвина до Прудона. Ея дальнѣйшее развитіе происходило въ Международномъ Союзѣ Рабочихъ, — союзѣ, внушившемъ столько надеждъ рабочимъ и столько страха буржуазіи въ 1868 — 1870 годахъ, какъ разъ передъ началомъ франко-нѣмецкой войны.

Что этотъ союзъ не былъ основанъ Марксомъ, какъ это любятъ утверждать марксисты,—это ясно. Извѣстно, что онъ былъ слѣдствіемъ встрѣчи делегаціи французскихъ рабочихъ, пріѣхавшихъ въ 1862 году въ Лондонъ для осмотра второй Всемірной выставки, съ представителями англійскихъ профессіональныхъ союзовъ (трэдъюніоновъ), которые, вмѣстѣ съ присоединившимися къ нимъ нѣсколькими англійскими радикалами, встрѣчали эту делегацію. Связь, установившаяся съ этого посѣщенія, еще больше окрѣпла по случаю митинга сочувствія Польшѣ въ 1863 году, и въ сентябрѣ слѣдующаго, 1864-го года, на митингѣ въ Сентъ-Мартинсъ Голлъ. Союзъ былъ основанъ окончательно. Марксу поручили составить воззваніе Союза, которое было напечатано въ концѣ года

ПУБЛИЧНАЯ БИБЛІОТЕКА

особою брошюрою, вмѣстѣ съ Временнымъ Уставомъ Интернаціонала, выработаннымъ особымъ комитетомъ.

Уже въ 1830 году, въ то время, когда основывался въ Англіи Великій Національный Союзъ всѣхъ Ремеслъ (The Great National Trades' Union), Робертъ Оуэнъ пытался устроить «Международный Союзъ всѣхъ Ремеслъ». Но скоро эту мысль пришлось оставить, такъ какъ англійское правительство стало яростно преслѣдовать Національный Союзъ. Однако мысль Интернаціонала не была потеряна; она тлѣла въ Англіи, нашла сторонниковъ во Франціи, и послѣ пораженія, которое потерпѣла революція 1848 года, таже мысль была перенесена французскими изгнанниками въ Соединенные Штаты и распространялась тамъ французскою газетою „Интернаціоналъ".

Французскіе рабочіе, посѣтившіе Лондонъ въ 1862 году, были большею частью прудонисты, т. е. мютюэллисты; англійскіе же члены рабочихъ союзовъ принадлежали, главнымъ образомъ, къ школѣ Роберта Оуэна. Англійскій оуэнизмъ такимъ образомъ соединился съ французскимъ мютюэллизмомъ, внѣ вліянія политической буржуазіи, и слѣдствіемъ этого союза было основаніе сильной международной организаціи рабочихъ, — съ цѣлью вести борьбу, главнымъ образомъ, на экономической почвѣ и разъ навсегда порвать со всякими радикальными, чисто политическими партіями.

Этотъ союзъ двухъ главныхъ направленій среди рабочихъ-соціалистовъ того времени нашелъ поддержку, въ лицѣ Маркса и другихъ, — у тайной политической организаціи коммунистовъ; въ нее входило тогда все, что еще оставалось отъ тайныхъ обществъ Барбеса и Бланки, которыя, подобно нѣмецкимъ тайнымъ коммунистическимъ обществамъ Вейтлинга, вели свое начало изъ заговора государственныхъ коммунистовъ, организованнаго Бабефомъ въ 1794—1795 годахъ.

* *
*

Въ брошюрѣ „Современная Наука и Анархизмъ“ я уже разсказалъ, какъ 1856 — 1862 годы были отмѣчены необыкновеннымъ подъемомъ естественныхъ наукъ и философіи. Это были также годы всеобщаго политическаго пробужденія радикальныхъ идей въ Европѣ и Америкѣ. Оба эти движенія пробуждали и рабочія массы, которыя начали понимать, что имъ самимъ предстоитъ задача подготовить народную пролетарскую революцію. Послѣ пораженія политической революціи 1848 года, выступила мысль о необходимости подготовленія экономической революціи въ средѣ самихъ рабочихъ: и теперь Международный Союзъ Рабочихъ, громко заявляя о своемъ разрывѣ со всѣми старыми политическими партіями и о рѣшеніи рабочихъ взять въ свои руки дѣло своего освобожденія, повсемѣстно произвелъ глубокое впечатлѣніе.

Дѣйствительно Интернаціоналъ началъ быстро распространяться въ латинскихъ странахъ. Его боевая сила быстро достигла угрожающихъ размѣровъ, тогда какъ конгрессы его федерацій и ежегодные конгрессы всего Интернаціонала давали рабочимъ возможность, самимъ обсуждать,—въ чемъ должна состоять соціальная революція, и какъ могла бы она совершиться. Они такимъ образомъ побуждали созидательныя силы рабочихъ массъ изыскивать новыя формы объединенія для производства, потребленія и обмѣна.

Въ ту пору повсемѣстно думали, что въ Европѣ скоро разразится великая революція; а между тѣмъ, представленія, болѣе или менѣе яснаго, относительно практическихъ формъ, которыя могла бы принять революція, и относительно ея первыхъ шаговъ—не существовало. Напротивъ того, въ самомъ Интернаціоналѣ встрѣчались и сталкивались нѣсколько совершенно противоположныхъ теченій соціализма.

Господствующей мыслью въ Союзѣ Рабочихъ была мысль о прямой, непосредственной борьбѣ Труда противъ Капи-

тала на экономической почвѣ,—т. е. освобожденіе Труда не при помощи законодательства, на которое согласилась бы буржуазія, а самими рабочими, которые силою будутъ вырывать уступки у капиталистовъ и въ концѣ концовъ заставятъ ихъ сдаться вполнѣ. «Освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ!»— гласило основное правило Интернаціонала; и теперь это основное начало снова возродилось въ синдикалистскомъ движеніи, которое тоже принимаетъ интернаціональный характеръ.

Но какъ, въ какой формѣ совершится освобожденіе труда изъ подъ ига капиталиста? Какую новую форму могло бы принять устройство производства и обмѣна? По этому вопросу соціалисты 1864—1870 годовъ были такъ же несогласны между собой, какъ и въ 1848 году, когда представители различныхъ соціалистическихъ ученій встрѣтились въ Парижѣ, въ Учредительномъ Собраніи провозглашенной въ Февралѣ 1848 года Республики.

Подобно своимъ французскимъ предшественникамъ 1848 года, которыхъ стремленія такъ хорошо изложилъ Консидеранъ въ своей книгѣ Соціализмъ передъ лицомъ Стараго Свѣта, соціалисты Интернаціонала точно также не могли сойтись подъ однимъ общимъ знаменемъ. Они колебались въ выборѣ между различными рѣшеніями, и ни одно изъ нихъ не было, ни достаточно вѣрно, ни достаточно очевидно, чтобы объединить умы; причемъ объединеніе было тѣмъ болѣе трудно, что сами соціалисты еще не разстались со своимъ уваженіемъ къ Капиталу и Государственной Власти.

Бросимъ же бѣглый взглядъ на эти различныя теченія.

* * *

Въ Интернаціоналѣ встрѣчались, во-первыхъ, прямые наслѣдники якобинства Великой Французской Революціи, —т. е. заговора Бабефа,—въ лицѣ тайныхъ обществъ французскихъ «коммунистовъ» и нѣмецкаго Коммунистическаго Союза, основаннаго Вейтлингомъ. И тѣ и другіе

жили традиціями яраго якобинства 1793 года. Извѣстно, что въ 1848 году они все еще мечтали завладѣть въ одинъ прекрасный день политическою властью въ государствѣ, посредствомъ заговора *можетъ быть также при помощи диктатора*, — и установить «Диктатуру пролетаріата» по образцу якобинскихъ обществъ 1793 года, — но на этотъ разъ въ пользу рабочихъ. Эта диктатура, думали они, установитъ коммунизмъ.

Правительству, говорили они, достаточно будетъ провести законодательствомъ всевозможные стѣснительные законы и налоги, которые сдѣлаютъ существованіе собственниковъ настолько затруднительнымъ, что они сами скоро будутъ счастливы избавиться отъ собственности и передать ее государству. Тогда государство будетъ посылать «армін земледѣльцевъ», чтобы обрабатывать поля; промышленныя заведенія, устроенныя по тому же полувоенному образцу, будутъ тоже вестись государствомъ*).

Такіе же взгляды были распространены среди соціалистовъ и во время основанія Интернаціонала, и они продолжали находить сторонниковъ во Франціи, среди Бланкистовъ, и въ Германіи—у Лассальянцевъ и у соціальдемократовъ.

Съ другой стороны, англійскіе рабочіе школы Роберта Оуэна держались взглядовъ, прямо противоположныхъ этимъ якобинскимъ воззрѣніямъ. Они положительно отказывались разсчитывать на силу государства, какъ для совершенія революціи, такъ и въ дѣлѣ созиданія соціалистическаго строя. Они разсчитывали, главнымъ образомъ, на дѣятельность объединенныхъ рабочихъ Сокзовъ. При этомъ англійскіе послѣдователи Оуэна не стремились

*) Интересно напомнить, что подобныя же мысли, очень распространенныя въ то время, о государственномъ землепашествѣ при помощи «земледѣльческихъ армій», были восхваляемы въ брошюрѣ «Уничтоженіе пролетаріата», Наполеономъ III-мъ, который былъ тогда претендентомъ на постъ президента республики. Ставши императоромъ, онъ не прочь былъ примѣнить тѣ-же мысли къ орошенію и облѣсенію нѣкоторыхъ частей Франціи,—именно, Солоньи.

къ государственному коммунизму. Подобно французскимъ послѣдователямъ Фурье, они придавали большое значеніе свободно составленнымъ и объединеннымъ между собой общинамъ и группамъ, которыя сообща владѣли бы землей и фабриками, но сами организовали бы свое производство и сдавали бы то что сработаютъ въ общественные склады для продажи.

Вообще, производители могли бы работать, какъ большими или малыми группами, такъ и въ одиночку, сообразно требованіямъ производства. Вознагражденіе же за работу въ общинахъ и группахъ, также какъ и обмѣнъ между общинами, производились бы марками труда. Эти марки означали бы количество рабочихъ часовъ, проведенныхъ въ работѣ на общинныхъ поляхъ, на фабрикахъ и въ мастерскихъ, и каждая община оплачивала бы такими марками продукты, сданные каждымъ производствомъ въ общинные склады.

Та-же мысль вознагражденія марками труда была, какъ мы уже видѣли, принята Прудономъ и мютюэллистами въ ихъ планахъ преобразованія общества. Они также отрицали вмѣшательство государственной власти въ обществахъ, которыя породила бы революція. Они говорили, что соціальная революція дѣлаетъ хозяйственную дѣятельность государства ненужной, такъ какъ весь обмѣнъ можетъ производиться Національными Банками; а воспитаніе, санитарныя мѣропріятія, пути сообщенія, промышленныя предпріятія и т. д. были бы въ рукахъ независимыхъ общинъ.

Наконецъ, та-же мысль о маркахъ труда, замѣняющихъ деньги при обмѣнѣ, но уже въ Государствѣ, ставшемъ собственникомъ всѣхъ земель, копей, желѣзныхъ дорогъ и заводовъ, проводилось въ 1848 году двумя замѣчательными писателями, Пеккеромъ и Видалемъ, которые называли свою систему коллективизмомъ. Оба упорно замалчиваются теперь соціалистами,—тѣмъ легче, что ихъ труды, изданные въ концѣ сороковыхъ годовъ, сохранились лишь въ весьма неболь-

шомъ количествѣ экземпляровъ*). Пеккеръ былъ членомъ Учредительнаго Собранія 1848 года и написалъ тогда объ этомъ предметѣ замѣчательный трактатъ. Онъ въ немъ подробно изложилъ свою систему—даже въ видѣ законовъ, которые Собранію достаточно было бы, по его словамъ, провести, чтобы совершить соціальную революцію.

Во время основанія Интернаціонала имена Пеккера и Видаля, повидимому, были совершенно забыты, даже ихъ современниками, но мысли ихъ были очень распространены и скоро онѣ стали еще болѣе распространяться, въ особенности въ Германіи подъ именами «Научнаго Соціализма», «Марксизма» и «Коллективизма» **).

*) Небольшое количество экземпляровъ Манифеста Консидерана (на который обратилъ вниманіе Черкезовъ, какъ на источникъ Коммунистическаго Манифеста), и книгъ Pecqueur-а и Vidal-я, одному изъ нашихъ товарищей удалось разыскать въ складѣ—въ Москвѣ! Замѣчательную книгу Burel о положеніи рабочаго класса, очень широко использованную Энгельсомъ, какъ это тоже указалъ Черкезовъ, мнѣ удалось достать также изъ Москвы; я купилъ въ Парижѣ экземпляръ, нѣкогда принадлежавшій профессору Лешкову!

**) Для болѣе подробнаго ознакомленія со взглядами Прудона, лучше всего брошюра, изданная бакунистами въ Женевѣ въ 1874 году, «Анархія по Прудону». Она прекрасно написана, и, если средства позволятъ, мы постараемся переиздать ее.

IV

Соціалистическія воззрѣнія въ Интернаціоналѣ: — Сенъ-Симонизмъ.

Наряду съ только-что упомянутыми школами соціализма, была также, какъ извѣстно, школа Сенъ-Симонистовъ. Главной своей силы она достигала, правда, въ тридцатыхъ годахъ 19-го вѣка, но и гораздо позже продолжалось ея глубокое вліяніе на соціалистическія воззрѣнія членовъ Интернаціонала.

Многіе блестящіе писатели, — мыслители, политики, историки, романисты, а также промышленники, развились въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ подъ вліяніемъ Сенъ-Симонизма. Достаточно назвать здѣсь Огюста Конта въ философіи, Огюстэна Тьерри между историками и Сисмонди среди экономистовъ. Всѣ соціальные реформаторы середины 19-го вѣка испытали на себѣ вліяніе этой школы.

Движеніе человѣчества впередъ, говорили Сенъ-Симонисты, до сихъ поръ состояло въ томъ, что рабскій трудъ превратился въ крѣпостной трудъ, а крѣпостной — въ наемный. Но недалеко время, когда станетъ необходимо

уничтожить и денежную зависимость труда, а съ этимъ вмѣстѣ, въ свою очередь, должна будетъ исчезнуть и частная собственность на все необходимое для производства. Въ этомъ, прибавляли они, не надо видѣть ничего невозможнаго, потому что Собственность и Власть уже претерпѣли не мало измѣненій въ историческія времена. Новыя измѣненія оказываются нужными, и они необходимо должны совершиться.

Уничтоженіе частной собственности, говорили Сенъ-Симонисты, могло бы произойти постепенно, при помощи ряда мѣропріятій (напомнимъ, что Великая Французская Революція уже положила имъ начало). Эти мѣропріятія позволили бы, напримѣръ, Государству, при помощи большихъ налоговъ на наслѣдство, брать себѣ все большую и большую часть собственности, передаваемой однимъ поколѣніемъ другому. Такимъ образомъ количество собственности, переходящей въ частныя руки, постоянно уменьшалось бы, и постепенно частная собственность совершенно-бы исчезла, потому что богатые убѣдились бы, что имъ выгодно самимъ отказаться отъ преимуществъ, созданныхъ въ ихъ пользу исчезающею цивилизаціею. Тогда, добровольный отказъ богатыхъ отъ собственности и уничтоженіе наслѣдованія законодательнымъ путемъ превратило бы Сенъ-Симонистское государство въ единственнаго собственника земли и промышленности, — въ высшаго распорядителя работами, — никому не подчиненнаго начальника и направителя Искусствъ, Науки и Промышленности. *)

Каждый членъ общества работалъ бы въ одной изъ этихъ областей и былъ бы „чиновникомъ“ Сенъ-Симоновскаго Государства. Управленіе же представляло бы изъ себя іерархію, т. е. лѣстничную организацію «лучшихъ людей», — лучшихъ въ наукахъ, искусствахъ и промышленности.

*) Викторъ Консиделанъ, „Соціализмъ передъ лицомъ стараго свѣта“, французск. изд. 1848 года, стр. 35 — 36.

Распредѣленіе продуктовъ происходило бы согласно такому положенію: „Каждому — сообразно его таланту, каждому таланту — сообразно его произведеніямъ."

Кромѣ этихъ плановъ будущаго, Сенъ-Симонистская школа и получившая въ ней свое начало позитивная философія дали девятнадцатому вѣку рядъ замѣчательнѣйшихъ историческихъ трудовъ, въ которыхъ происхожденіе власти, частной собственности и государства разсматривались съ дѣйствительно научной точки зрѣнія. Эти работы и до сихъ поръ сохранили все свое значеніе.

Въ то-же время Сенъ-Симонисты подвергли строгому разбору политическую экономію такъ-называемой классической школы, т. е. школы Адама Смита и Рикардо, которая позже стала извѣстна подъ именемъ «Манчестерской Школы» и проповѣдывала такъ-называемое «невмѣшательство Государства».

Но, борясь противъ принципа промышленнаго индивидуализма и конкурренціи, Сенъ-Симонисты впадали въ ту же ошибку, которую они сами такъ прекрасно разобрали, когда выступили противъ военнаго государства и его іерархическихъ ступеней. Они кончали признаніемъ всемогущества Государства, и основывали свой порядокъ — какъ это уже замѣтилъ Консидеранъ — на неравенствѣ и власти: на правительственной іерархіи, которой они даже хотѣли придать духовный характеръ.

Такимъ образомъ, Сенъ-Симонисты сороковыхъ годовъ, признавая верховную власть Государства такъ-же, какъ признавали ее якобинскіе коммунисты, отличались отъ нихъ только той долей личнаго участія, которую они предоставляли производителю въ общемъ производствѣ товаровъ. Несмотря на прекрасныя работы по политической экономіи, сдѣланныя многими изъ нихъ, они еще не дошли до представленія, что богатства производятся обществомъ, всѣми вмѣстѣ, а не отдѣльными лицами. Иначе они поняли бы, что нѣтъ возможности справедливо опредѣлить, какая часть изъ общаго коли-

чества произведенныхъ богатствъ должна быть предоставлена каждому отдѣльному производителю.

По этому пункту существовало глубокое разногласіе между коммунистами и Сенъ-Симонистами: но за то они вполнѣ сходились въ томъ, что ни тѣ ни другіе не придавали значенія отдѣльной личности, ея правамъ и желаніямъ. Все, что предоставляли ей коммунисты, ограничивалось правомъ избранія своихъ чиновниковъ и правителей,—Сенъ-Симонисты тоже признали это право послѣ 1848 года. Раньше же они не признавали даже права выборовъ. Но для коммунистовъ, какъ и для Сенъ-Симонистовъ, равно какъ и для современныхъ намъ коллективистовъ, всякое отдѣльное лицо есть только чиновникъ государства.

* *
*

Въ лицѣ Кабэ, написавшаго «Путешествіе въ Икарію» и основавшаго коммунистическія колоніи въ Америкѣ, якобинскій коммунизмъ и подавленіе личности нашли полнѣйшее выраженіе.

Дѣйствительно, въ «Путешествіи» Кабэ мы вездѣ встрѣчаемъ власть, государство, — вплоть до кухни въ каждомъ хозяйствѣ. Не довольствуясь составленіемъ поваренной руководства, которое будетъ получать каждая семья, Икарійская Республика утверждаетъ списокъ одобренныхъ съѣстныхъ продуктовъ, заставляетъ своихъ земледѣльцевъ и рабочихъ производить ихъ и раздаетъ ихъ своимъ подданнымъ. «А такъ какъ, — писалъ Кабэ — никто не можетъ имѣть другихъ съѣстныхъ припасовъ, кромѣ раздаваемыхъ республикою, то ты понимаешь, что никто не можетъ ѣсть ничего, что не было бы одобрено ею» („Путешествіе въ Икарію", 5-ое французское изданіе, 1848-го года, стр. 52).

Заботливость правительства доходитъ до того, что комитетъ опредѣляетъ, сколько разъ въ день должно ѣсть, въ какое время, и какъ долго, назначаетъ количество кушаній, ихъ составъ и порядокъ, въ которомъ они

должны подаваться. Что-же касается одежды, то она заказывается Комитетомъ по опредѣленнымъ образцамъ, причемъ каждый носитъ форму, соотвѣтствующую его общественному положенію. Рабочіе, всегда дѣлающіе одну и ту-же вещь, составляютъ полкъ,—„до такой степени господствуютъ порядокъ и дисциплина!“— восклицаетъ съ восторгомъ Кабэ.

Нечего и говорить, что никто ничего не можетъ печатать, не получивъ на это разрѣшенія республики, и то только послѣ сдачи соотвѣтствующаго экзамена и полученія по всѣмъ правиламъ разрѣшенія быть писателемъ.

Сомнительно, чтобы утопія Кабэ, вся, въ цѣломъ, имѣла многочисленныхъ сторонниковъ въ Интернаціоналѣ; но духъ ея оставался. Положительно вѣрно,—и мы сами очень хорошо это чувствовали во время споровъ, которые вели съ государственниками, въ особенности съ нѣмецкими коммунистами—что даже строгій регламентъ, о которомъ мы только что упоминали и который намъ теперь кажется такимъ безсмысленнымъ, былъ тогда принимаемъ (въ семидесятые годы, особенно нѣмцами) за выраженіе глубокой мудрости. На наши возраженія намъ отвѣчали словами Кабэ:—

„Конечно, коммуна непремѣннымъ образомъ связываетъ и лишаетъ свободу дѣствій, но это — потому, что ея главная обязанность дать богатство и счастье. Чтобы избѣгать двойной затраты труда и напрасныхъ убытковъ, чтобы достигнуть возможно большей производительности въ земледѣліи и въ промышленности при возможно меньшей затратѣ труда, необходимо, чтобы Общество все имѣло въ своихъ рукахъ, все бы направляло и всѣмъ бы распоряжалось; надо, чтобы оно подчиняло своимъ правиламъ, своимъ порядкамъ, своей дисциплинѣ всѣ воли, всѣ дѣйствія.“ Добрый гражданинъ долженъ даже „удерживаться отъ всего, что не предписано“. („Путешествіе въ Икарію“, 5-ое французск. изданіе, стр. 403).

Хуже всего то, что у государственниковъ оставалось еще убѣжденіе, что въ концѣ концовъ, какъ сказалъ Кабэ, „коммунизмъ также возможенъ при монархѣ, какъ при президентѣ республики“. Эта-то мысль и уготовила путь для государственнаго переворота Наполеона III, и затѣмъ, много позже, позволяла соціалистамъ-государственникамъ отнестись такъ легко къ буржуазной реакціи.

* *
*

Наконецъ мы должны также упомянуть о школѣ Луи Блана, которая во время основанія Интернаціонала имѣла многочисленныхъ сторонниковъ во Франціи и Германіи, гдѣ она была представлена сплоченною массою лассальянцевъ. Эти соціалисты, такіе-же сторонники государства, какъ и предыдущіе, считали, что переходъ промышленной собственности изъ рукъ Капитала въ руки Труда можетъ произойти, если правительство, порожденное революціей и вдохновляемое соціалистическими воззрѣніями, поможетъ рабочимъ устроить обширные рабочіе производительные кооперативы, которымъ правительство-же дастъ взаймы необходимыя средства.

Эти кооперативы были бы соединены въ обширную систему національнаго производства. Какъ временная мѣра, могло бы быть принято денежное вознагражденіе, равное для всѣхъ; но конечною цѣлью было бы распредѣленіе продуктовъ согласно потребностямъ каждаго производителя.

Въ сущности, соціализмъ Луи Блана былъ, какъ говоритъ Консидеранъ, „коммунистическій Сенъ-Симонизмъ“, управляемый демократическимъ Государствомъ.

Опираясь на обширную систему національнаго кредита, поддерживаемые государственными заказами, эти кооперативы, получая деньги по очень низкому проценту, были бы въ состояніи конкуррировать съ капиталистическою промышленностью. Они скоро вытѣснили бы капиталистовъ изъ производства, и сами стали бы на ихъ мѣсто.

Они также могли бы развиться и въ земледѣліи.

Что-же касается до рабочихъ, то они никогда не должны были бы терять изъ виду этого экономическаго, соціалистическаго идеала и не должны были бы увлекаться просто-демократическимъ идеаломъ буржуазныхъ политиковъ.

* *
*

Всѣ эти воззрѣнія, выработавшіяся подъ вліяніемъ соціалистической пропаганды, въ сороковые года, равно какъ подъ вліяніемъ февральскаго и іюньскаго возстаній 1848 года, были, съ различными измѣненіями въ подробностяхъ, широко распространены въ Международномъ Союзѣ Рабочихъ. Различія въ воззрѣніяхъ были большія; но, какъ мы уже видѣли, сторонники всѣхъ этихъ школъ сходились въ одномъ: всѣ они признавали, что въ основаніи будущей революціи должно будетъ лежать сильное правительство, которое будетъ держать въ своихъ рукахъ хозяйственную жизнь страны. Всѣ они признавали централизованное и іерархическое устройство государства.

Къ счастью, наряду съ этими якобинскими воззрѣніями, въ противовѣсъ имъ, существовало также и ученіе фурьеристовъ, къ разбору котораго мы теперь перейдемъ.

V

Соціалистическія воззрѣнія въ Интернаціоналѣ: — Фурьеризмъ.

Фурье, современникъ Великой Революціи, уже не былъ въ живыхъ, когда основывался Интернаціоналъ. Но его мысли были такъ широко распространены его послѣдователями,—въ особенности Консидераномъ, который придалъ имъ извѣстный научный характеръ, — что сознательно или безсознательно, самые образованные члены Интернаціонала находились подъ вліяніемъ фурьеризма *).

*) Изъ работы нашего друга Черкезова извѣстно, что экономическія положенія, изложенныя Марксомъ и Энгельсомъ въ «Коммунистическомъ Манифестѣ», были ими взяты изъ манифеста Консидерана, который носилъ названіе «Принципы Соціализма: Манифестъ Демократіи XIX вѣка» и былъ изданъ въ 1843 году. Дѣйствительно, достаточно прочесть оба манифеста, чтобы убѣдиться, что не только экономическіе взгляды «Коммунистическаго Манифеста», но даже и форма были заимствованы Марксомъ и Энгельсомъ у Консидерана. Что же касается программы дѣйствія въ «Коммунистическомъ Манифестѣ», то, какъ это показалъ профессоръ Андлеръ, образцомъ для нея послужила программа тайныхъ коммунистическихъ обществъ, французскихъ и нѣмецкихъ, которыя продолжали дѣло тайныхъ обществъ Бабефа и Буонароти. Изученіе книги Консидерана, «Соціализмъ передъ лицомъ Стараго Свѣта» (Le Socialisme devant le vieux monde) нельзя не порекомендовать серьезному вниманію современныхъ соціалистовъ.

Чтобы понять вліяніе фурьеризма въ тѣ годы, надо замѣтить, что руководящею мыслью Фурье не было объединеніе Капитала, Труда и Таланта для производства богатствъ, какъ это обыкновенно утверждается въ книгахъ по исторіи соціализма. Его главной цѣлью было положить конецъ частной торговлѣ, которая ведется въ цѣляхъ наживы и необходимо приводитъ къ крупнымъ, недобросовѣстнымъ спекуляціямъ. Чтобы достигнуть этого, онъ предлагалъ создать свободную національную организацію для обмѣна всякихъ продуктовъ. Такимъ образомъ, Фурье вновь поднялъ мысль, которую уже пыталась осуществить Великая Революція въ 1793 — 1794 годахъ, послѣ того, какъ парижскій народъ изгналъ жирондистовъ изъ Конвента, и Конвентъ принялъ законъ о максимумѣ цѣнъ на предметы первой необходимости.

Какъ говоритъ Консидеранъ въ своей книгѣ, „Соціализмъ передъ лицомъ стараго свѣта“, Фурье видѣлъ средство для прекращенія всѣхъ безобразій современной эксплуатаціи „въ установленіи непосредственныхъ сношеній между производителемъ и потребителемъ, — въ устройствѣ общинныхъ посредническихъ агентуръ, являющихся складами, но не владѣльцами продуктовъ, которые они получаютъ непосредственно съ мѣста ихъ производства и передаютъ непосредственно потребителямъ“.

Въ такихъ условіяхъ цѣна товаровъ перестала бы служить предметомъ спекуляціи. Она могла бы повышаться только на то, во что обойдутся „издержки по перевозкѣ, храненію и управленію, тяжесть которыхъ почти не чувствительна“ (Консидеранъ, стр. 39).

Уже ребенкомъ, Фурье, помѣщенный родителями въ торговое заведеніе, принесъ клятву ненависти къ торговлѣ, которой худыя стороны онъ близко узналъ изъ собственнаго опыта. И съ тѣхъ поръ онъ далъ себѣ слово бороться противъ нея. Позже, во время Великой Революціи, онъ былъ свидѣтелемъ ужасающихъ спекуляцій—сперва при

продажѣ и покупкѣ національныхъ имѣній, отобранныхъ у Церкви и дворянъ, а потомъ—въ невѣроятномъ повышеніи цѣнъ на всѣ продукты во время войнъ Революціи противъ европейскихъ монархій. Онъ также зналъ изъ опыта, что ни якобинскій Конвентъ, ни терроръ съ его безпощадной гильотиной не въ силахъ были прекратить эти спекуляціи. Тогда онъ понялъ, что отсутствіе націальной, общественной организаціи обмѣна, по крайней мѣрѣ для предметовъ необходимыхъ для жизни, могло сдѣлать недѣйствительными для народа всѣ благодѣтельныя послѣдствія экономической революціи, произведенной отобраніемъ земель у духовенства и дворянства въ пользу демократіи. Тогда же онъ долженъ былъ увидать необходимость націонализаціи торговли и оцѣнить попытку, сдѣланную въ этомъ направленіи народомъ, „санъ-кюлотами“ въ 1793 и 1794 году. Онъ сдѣлался ея апостоломъ *).

---

*) Мы этого не знали въ Интернаціоналѣ, но теперь извѣстно, что житель Ліона, Л'Анжъ, пораженный нищетою, царившею въ Ліонѣ во время Великой Революціи, издалъ тогда же планъ «Добровольнаго Союза» (Association volontaire), который долженъ былъ охватить всю Францію. Этотъ Союзъ долженъ былъ имѣть 30,000 хлѣбныхъ магазиновъ (по одному въ каждой общинѣ) и такимъ образомъ положить конецъ частной собственности на предметы первой необходимости и частной торговлѣ ими. См. разборъ брошюръ Л'Анжа, сдѣланный уже Мишле въ его прекрасной Исторіи французской революціи, а потомъ Жоресомъ въ «Histoire Socialiste» и недавно еще Бурженомъ въ его книгѣ „Фурье“ (Henri Bourgin, „Fourier“, Парижъ, 1905). Не планъ-ли Л'Анжа вдохновилъ Фурье, который уже думалъ въ этомъ направленіи? Мы этого не знаемъ. Но съ чѣмъ Фурье несомнѣнно былъ знакомъ,—это съ планомъ революціонныхъ санъ-кюлотовъ 1793—1794 года, которые хотѣли націонализаціи торговли. Этотъ планъ долженъ былъ вдохновить его. Какъ это говоритъ Мишле въ одной изъ своихъ рукописныхъ замѣтокъ, упоминаемыхъ Жоресомъ «Кто сдѣлалъ Фурье?—Ни Анжъ, ни Бабефъ: Ліонъ былъ истиннымъ предшественникомъ Фурье». Теперь мы можемъ сказать: «Ліонъ и Революція 1793—1794 года».

Свободная о б щ и н а — хранительница продуктовъ, произведенныхъ ея членами, дастъ, по его мнѣнію, разрѣшеніе великой задачи устройства Обмѣна и Распредѣленія предметовъ первой необходимотси. Но община не должна быть собственницей складочныхъ магазиновъ, подобныхъ нашимъ деревенскимъ хлѣбнымъ магазинамъ, или даже современнымъ кооперативамъ. Она должна быть только х р а н и т е л ь н и ц е й, агентствомъ, куда продукты сдаются для ихъ распредѣленія, безъ всякаго права взимать подать съ потребителей, и безъ права спекуляціи на измѣненіяхъ цѣнъ.

Мысль Фурье разрѣшить соціальную задачу, организуя потребленіе и обмѣнъ на общественномъ началѣ, уже дѣлаетъ изъ него одного изъ самыхъ глубокихъ соціалистическихъ мыслителей.

Но онъ не остановился на этомъ. Онъ, кромѣ того, предположилъ, что всѣ члены земледѣльческой или промышленной, или, вѣрнѣе сказать, смѣшанной земледѣльческо-промышленной общины, составятъ ф а л а н г у. Они соединятъ въ одно свои земли, рабочій скотъ, инструменты и машины, и будутъ обрабатывать земли, или работать на фабрикахъ, считая, что земли, машины, фабрики и т. д. принадлежатъ имъ всѣмъ сообща, — но ведя при этомъ строгій счетъ, насколько каждое отдѣльное лицо увеличило общій капиталъ.

Два главныхъ правила, говорилъ онъ, должны быть соблюдаемы въ фалангѣ. Во-первыхъ, не должно быть н е п р і я т н ы х ъ р а б о т ъ. Всякая работа должна быть такъ оборудована, такъ распредѣлена и настолько разнообразна, чтобы в с е г д а б ы т ь п р и в л е к а т е л ь н о й. Во-вторыхъ, въ обществѣ, устроенномъ на основаніяхъ свободнаго сотрудничества, не должно быть допущено н и к а к о г о п р и н у ж д е н і я, да и не будетъ причинъ, дѣлающихъ нужнымъ принужденіе.

При наличности сколько-нибудь внимательнаго, вдумчиваго отношенія къ личнымъ нуждамъ каждаго члена

фаланги и при нѣкоторой снисходительности къ особенностямъ различныхъ характеровъ, а также соединяя трудъ земледѣльческій, промышленный, умственный и художественный,—члены фаланги скоро убѣдятся, что даже людскія страсти, которыя, при современномъ устройствѣ, являются часто зломъ и опасностью,— что въ свою очередь всегда приводится въ оправданіе примѣненія силы— могутъ быть источникомъ дальнѣйшаго развитія, прогресса. Достаточно ближе узнать сущность этихъ страстей и найти имъ примѣненіе. Новыя предпріятія, опасныя приключенія, общественное возбужденіе, жажда перемѣны и т. д.—дадутъ этимъ страстямъ необходимый выходъ. Дѣйствительно, всякій знаетъ, насколько страсть къ азарту и непривычка къ регулярному труду, бываютъ причинами воровства, грабежа и другихъ поступковъ, наказываемыхъ теперь уголовнымъ закономъ. Въ разумно устроенномъ обществѣ, самыя эти страсти нашли бы себѣ лучшій исходъ.

Правда, что Фурье платилъ еще дань государственнымъ идеямъ. Такимъ образомъ онъ признавалъ, что для того, чтобы сдѣлать опытъ съ его Сообществомъ, чтобы испытать сперва „простую гармонію“, которая будетъ предтечей „настоящей гармоніи, представитель верховной власти могъ бы сослужить службу“. — „Можно было бы, напримѣръ, предоставить главѣ Франціи честь вывести родъ человѣческій изъ соціальнаго хаоса, ставши основателемъ гармоніи и освободителемъ земного шара“, говорилъ онъ въ своемъ первомъ сочиненіи; и ту-же мысль онъ повторилъ позже, въ 1808 году, въ своей „Теоріи Четырехъ Движеній“. Впослѣдствіи онъ даже обращался съ этой цѣлью къ королю Людовику-Филиппу (Ш. Пелларэнъ, „Фурье, его жизнь и его ученіе“, 4-ое французское изданіе, стр. 114). Но все это относилось только къ первому подготовительному опыту.

Что же касается того общества, которое онъ называлъ „настоящею гармоніею“, или всемірною гармоніею—то въ ней онъ не давалъ мѣста никакому правительству. Эта гар-

монія, говорилъ онъ, не можетъ быть вводима «по частямъ». Превращеніе должно произойти одновременно въ общественныхъ, политическихъ, хозяйственныхъ и нравственныхъ отношеніяхъ людей. Когда Фурье начиналъ разбирать идею Государства, онъ былъ такъ же безпощаденъ въ своей критикѣ, какъ и мы теперь. — „Политическій безпорядокъ," говорилъ онъ, „является одновременно и слѣдствіемъ, и выраженіемъ хозяйственнаго (соціальнаго) безпорядка. Неравенство становится крайнею несправедливостью. Государство, во имя котораго дѣйствуетъ власть, по происхожденію и по основнымъ своимъ началамъ является несомнѣнно слугою привиллегированныхъ классовъ и ихъ защитникомъ противъ остальнаго населенія." И такъ далѣе*).

Вообще въ Гармоническомъ обществѣ Фурье, которое будетъ создано полнымъ проведеніемъ въ жизнь его мыслей, нѣтъ мѣста принужденію **).

* * *

Фурье писалъ непосредственно послѣ пораженія Великой Революціи и потому неизбѣжно склонялся къ мирнымъ разрѣшеніямъ соціальнаго вопроса. Онъ настаивалъ на необходимости признанія въ принципѣ

*) Я выписываю эти слова изъ книги Буржена (Bourgin) который употребляетъ подлинныя выраженія Фурье.

**) Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда Фурье дѣлаетъ исключенія, или когда онъ съ поразительной непослѣдовательностью говоритъ объ «отличіяхъ» или о «достижимыхъ степеняхъ», введенныхъ для возбужденія рвенія къ работѣ, или же о подчиненіи законамъ и правиламъ «во время опытовъ, имѣющихъ цѣлью испытаніе его теоріи» (Пелларэнъ, стр. 229), руководящею мыслью въ его системѣ остается полнѣйшая свобода отдѣльной личности въ гармоническомъ обществѣ будущаго. «Свобода, говорилъ онъ, состоитъ въ возможности дѣлать то, чего требуютъ наши стремленія»... «Если существуютъ люди, которые воображаютъ, что могутъ подчинить человѣческую природу требованіямъ современнаго общества, и изучаютъ эту природу въ виду такой цѣли, то мы не принадлежимъ къ ихъ числу», говорилъ ученикъ Фурье, Пелларэнъ (стр. 222).

совмѣстной дѣятельности Капитала, Труда и Таланта. Вслѣдствіе этого, цѣнность каждаго продукта, произведеннаго фалангой, должна была быть раздѣлена на три части, изъ которыхъ одна часть (половина, или семь-двѣнадцатыхъ всей суммы) служила бы вознагражденіемъ Труда, вторая часть (три-двѣнадцатыхъ) поступала-бы въ пользу Капитала, а третья часть (двѣ или три двѣнадцатыхъ) — въ пользу Таланта.

* * *

Однако большинство приверженцевъ Фурье въ Интернаціоналѣ не придавало большого значенія этой части его системы. Они понимали, что тутъ сказывалось вліяніе того времени, когда онъ писалъ. И наоборотъ, они особенно помнили слѣдующія основныя положенія ученія Фурье:

1) Свободная Община, т. е. небольшое земельное пространство, вполнѣ независимое, дѣлается основаніемъ, единицей въ новомъ соціальномъ обществѣ.

2) Община является хранительницей всѣхъ продуктовъ, произведенныхъ внутри ея, и посредницей при всякаго рода обмѣнѣ съ другими общинами. Она также предоставляетъ собой союзъ потребителей, и весьма возможно, что въ большинствѣ случаевъ она будетъ также единицей производства, которою, впрочемъ, можетъ быть и профессіональная группировка (т. е. рабочій союзъ), или же союзъ нѣсколькихъ производительныхъ артелей.

3) Общины свободно объединяются между собой, чтобы составить Федерацію, Область, Народъ.

4) Трудъ долженъ быть сдѣланъ привлекательнымъ. Безъ этого онъ всегда ведетъ къ рабству. И раньше, чѣмъ это не будетъ сдѣлано, невозможно никакое рѣшеніе соціальнаго вопроса. Достигнуть же этого вполнѣ возможно (двѣ глубокія истины, слишкомъ легко забываемыя теперь). Трудъ долженъ и можетъ быть гораздо производительнѣе, чѣмъ теперь.

5) Для поддержанія порядка въ подобнаго рода общинахъ не требуется никакого принужденія: вполнѣ достаточно вліянія общественнаго мнѣнія.

Что касается распредѣленія произведенныхъ продуктовъ, то въ Интернаціоналѣ считалось, что этотъ вопросъ будетъ рѣшаться самими общинами, или производительными союзами. Одна община примѣнитъ коммунистическій принципъ—каждому согласно его нуждамъ, а другая, можетъ быть, предпочтетъ выдавать вознагражденіе, смотря по числу рабочихъ часовъ, или же по результатамъ труда.

Это рѣшеніе вопроса, — предоставлявшее каждой производительной группѣ выборъ способа вознагражденія,— и составляло впродолженіи долгаго времени основную черту такъ-называемаго коллективизма рабочихъ союзовъ въ латинскихъ народностяхъ, въ противоположность Государственному Коммунизму.

Наконецъ, что касается способа перехода отъ современнаго общества къ обществу соціалистическому, то дѣятели Интернаціонала не придавали большого значенія тому, что по этому поводу говорилъ Фурье. Они чувствовали, что въ Европѣ развивается положеніе дѣлъ, ведущее къ революціи, и видѣли, что приближается революція болѣе глубокая и болѣе общая, чѣмъ революція 1848 года. И когда она начнется, говорили они, рабочіе должны сдѣлать все отъ нихъ зависящее, чтобы отнять у Капитала захваченныя имъ монополіи и передать ихъ въ руки самихъ производителей, т. е. рабочихъ.

VI

Толчекъ, данный Парижской Коммуной. — Бакунинъ.

Изъ предшествующихъ главъ уже можно представить себѣ, на какой почвѣ развивались анархическія идеи въ Интернаціоналѣ. Мы видѣли, какую смѣсь централистическаго и государственнаго якобинства съ стремленіями къ мѣстной независимости и федераціи, представляли тогда понятія дѣятелей Международнаго Союза Рабочихъ. И то и другое теченіе мысли — мы теперь это знаемъ — имѣло своимъ источникомъ Великую Французскую Революцію. Централистическія идеи происходили по прямой линіи отъ якобинства 1793 года, а идеи мѣстной независимой дѣятельности были наслѣдіемъ крупной созидательной и разрушительной, революціонной работы коммунъ (общинъ) 1793—1794 года и ихъ отдѣловъ (секцій) въ большихъ городахъ.

Надо сказать, однако, что первое изъ этихъ двухъ теченій, якобинское, безъ сомнѣнія преобладало. Почти всѣ буржуазные интеллигенты, вошедшіе въ Интернаціоналъ, мыслили, какъ государственники-якобинцы, а рабочіе находились подъ ихъ вліяніемъ.

Нужно было, чтобы совершилось событіе такой громадной важности, какъ провозглашеніе Парижской Коммуны и геройская борьба парижскаго народа противъ буржуазіи, чтобы дать новое направленіе революціонной мысли, — по крайней мѣрѣ, въ латинскихъ странахъ, особенно въ Испаніи, Италіи и части французской Швейцаріи.

Въ Іюлѣ 1870 года началась ужасная франко-прусская война, въ которую бросились Наполеонъ III и его совѣтники, чтобы спасти Имперію отъ неизбѣжной республиканской революціи. Война привела къ жестокому разгрому Франціи, къ гибели Имперіи, къ временному правительству Тьера и Гамбетты и къ Парижской Коммунѣ, за которою послѣдовали подобныя же попытки въ Сентъ-Этьенѣ во Франціи и въ Барселонѣ и Карѳагенѣ въ Испаніи.

Для Интернаціонала — по крайней мѣрѣ, для тѣхъ его членовъ, которые умѣли мыслить и извлекать пользу изъ уроковъ жизни, происшедшія событія послужили урокомъ. Эти общинныя (коммунальныя) возстанія были настоящимъ откровеніемъ. Они видѣли, какъ отдѣльные города объявили свою независимость отъ Государства и свое право, самимъ начинать новую жизнь, не дожидаясь, пока вся нація съ ея остальными областями согласится тоже выступить на новый путь: и они поняли, что, совершаясь подъ краснымъ знаменемъ соціальной революціи, которое парижскіе рабочіе цѣной своей жизни отчаянно защищали на баррикадахъ, возстанія городовъ указали, какою должна быть, какою вѣроятно будетъ политическая форма будущей революціи среди латинскихъ народностей.

Не демократическая Республика, какъ то думали въ 1848 году, а Община — свободная, независимая и, весьма вѣроятно, коммунистическая община.

* *
*

Понятно, что спутанность мысли, царившая тогда въ умахъ относительно того, какія политическія и экономическія мѣры нужно принять во время народной революціи, чтобы обезпечить ей успѣхъ, дала себя почувствовать и во время парижской Коммуны. Тамъ царила также умственная неопредѣленность, которую мы видѣли въ Интернаціоналѣ.

Якобинцы, т. е. правительственные централисты, съ одной стороны, и коммунисты-федералисты, т е. общинники, съ другой, были одинаково представлены въ парижскомъ возстаніи, и очень скоро между ними стали происходить несогласія. Самый воинствующій элементъ находился среди якобинцевъ и бланкистовъ. Но Бланки сидѣлъ въ тюрьмѣ, а среди бланкистскихъ главарей— буржуа, по большей части — уже немного осталось отъ коммунистическихъ идей ихъ предшественниковъ бабувистовъ. Для нихъ, экономическій вопросъ былъ чѣмъ-то такимъ, чѣмъ надо будетъ заняться потомъ, послѣ того какъ восторжествуетъ Коммуна; а такъ какъ это мнѣніе было съ самого начала очень распространено, то народныя коммунистическія стремленія не успѣли развиться настоящимъ образомъ. Тѣмъ болѣе, что и сама Коммуна, провозглашенная, когда нѣмецкія арміи стояли вокругъ Парижа, просуществовала всего 70 дней.

При такихъ условіяхъ пораженіе не заставило себя ждать, и безпощадная месть трусливой, напуганной и злобной буржуазіи еще разъ доказала, что торжество народной коммуны можетъ быть достигнуто только въ томъ случаѣ, если народныя массы, побуждаемыя потребностью завоеваній на экономической почвѣ, со страстью выступятъ въ движеніе.

Чтобы общинная политическая революція могла восторжествовать, надо умѣть провести одновременно революцію экономическую.

* *
*

Что Парижская Коммуна сдѣлала невозможнымъ возстановленіе монархіи, какъ того хотѣла буржуазія —въ

этомъ нѣтъ сомнѣнія. Но самымъ важнымъ послѣдствіемъ Парижской Коммуны было то, что революціонный пролетаріатъ латинскихъ странъ сталъ яснѣе понимать съ тѣхъ поръ истинное положеніе вещей.

«Свободная Община» — такова политическая форма, которую должна будетъ принять соціальная революція. Пускай вся страна, пускай всѣ сосѣднія страны будутъ противъ такого образа дѣйствій, — но, разъ жители данной общины и данной мѣстности рѣшили ввести обобществленіе потребленія предметовъ, необходимыхъ для удовлетворенія ихъ потребностей, а также обобществленіе обмѣна этихъ продуктовъ и ихъ производства — они должны осуществить это сами, у себя на дѣлѣ, не дожидаясь рѣшеній въ этомъ смыслѣ Національнаго парламента. И если они это сдѣлаютъ,—если они направятъ свои силы на это великое дѣло, то они найдутъ внутри своей общины такую силу, которую они никогда бы не нашли, еслибъ захотѣли увлечь за собой всю страну со всѣми ея частями —отсталыми, враждебными или безразличными. Лучше открыто бороться противъ нихъ, чѣмъ тянуть ихъ за собой, какъ ядро, привязанное къ ногамъ революціи.

Больше того. Мы также считаемъ, что если не нужно центральное правительство, чтобы приказывать свободнымъ общинамъ, — если національное правительство уничтожается и единство страны достигается помощью свободной федераціи общинъ, — въ такомъ случаѣ, такимъ же лишнимъ и вреднымъ является и центральное городское управленіе. Дѣла, которыя приходится рѣшать внутри отдѣльной общины, даже въ большомъ городѣ, въ дѣйствительности гораздо менѣе сложны, и интересы гражданъ менѣе разнообразны и противуположны, чѣмъ внутри страны, хотя бы она была не больше Швейцаріи или одного изъ ея кантоновъ.

Федеративный принципъ, т. е. вольное объединеніе кварталовъ, промышленныхъ союзовъ, союзовъ потреб-

ленія и обмѣна и т. д., вполнѣ достаточенъ, чтобы установить внутри общины согласіе между производителями, потребителями и другими группами гражданъ.

* *
*

Парижская Коммуна дала отвѣтъ еще на одинъ вопросъ, который мучилъ каждаго революціонера. Два раза Франція дѣлала попытку провести соціальную революцію—оба раза при помощи центральнаго правительства: первый разъ въ 1793—1794 году, когда, послѣ изгнанія жирондистовъ изъ Конвента, Франція попробовала ввести «дѣйствительное равенство», т. е. равенство настоящее, экономическое—при помощи строгихъ законодательныхъ мѣръ; и второй разъ—въ 1848 году, когда она попробовала дать себѣ, черезъ Національное Собраніе, «Соціаль-Демократическую Республику». И оба раза она потерпѣла полнѣйшую кровавую неудачу.

Теперь сама жизнь намъ подсказывала новое рѣшеніе: —„Свободная Община". Община, сама, должна будетъ произвести революцію въ своихъ предѣлахъ въ то же время, когда она будетъ освобождаться отъ центральнаго Государства. И по мѣрѣ того, какъ выяснялось въ умахъ это рѣшеніе, сталъ развиваться новый идеалъ: АНАРХІЯ.

Мы тогда поняли, что въ книгѣ Прудона, «Общее понятіе о Революціи въ девятнадцатомъ вѣкѣ», заключалась глубоко-практичная мысль: идея Анархіи. И мысль передовыхъ людей латинскихъ народностей начала работать въ этомъ направленіи.

Съ другой стороны, государственныя стремленія въ Главномъ Совѣтѣ Интернаціонала обозначались все сильнѣе и угрожали всему Интернаціоналу, въ которомъ независимость національныхъ федерацій была основнымъ началомъ, причемъ Главный Совѣтъ, существовавшій только для облегченія сношеній, не долженъ былъ имѣть никакой власти. Между тѣмъ, въ 1872 году, послѣ пораженія Франціи и Коммуны, Главный Совѣтъ Интернаціонала, подъ руководствомъ Маркса и Энгельса, которыхъ

поддержали въ этомъ французскіе бланкисты, эмигрировавшіе въ Лондонъ послѣ Парижской Коммуны, произвелъ насильственный переворотъ.

Созвавши, вмѣсто всеобщаго, международнаго Съѣзда, небольшую „Конференцію“ изъ своихъ приверженцевъ, Совѣтъ замѣнилъ въ программѣ дѣйствій Союза прямую борьбу Труда противъ Капитала, агитаціей въ буржуазныхъ парламентахъ. Этотъ переворотъ открылъ многимъ глаза. Даже самые довѣрчивые увидали, какъ глупо поручать веденіе своихъ дѣлъ правительству,— хотя бы оно было избрано на такихъ демократическихъ началахъ, какъ это было при избраніи Главнаго Совѣта Интернаціонала. Федераціи Испанская, Итальянская, Юрская, Валлонская и одна англійская секція возстали противъ власти Главнаго Совѣта *). Но, увы, серьезный отпоръ противъ захвата власти Совѣтомъ былъ данъ только въ латинскихъ странахъ: въ Испаніи, въ Италіи, въ романской Швейцаріи и въ валлонской части Бельгіи. Нѣмцы, наоборотъ, вынесли совсѣмъ другое заключеніе изъ своей побѣды надъ Франціей: они пришли къ преклоненію передъ государственнымъ централизмомъ.

Государство съ сильно-сосредоточенною въ немъ властью и враждебное всякому намеку на національную независимость; сильная лѣстничная централизація чиновничества и сильное правительство — вотъ къ какимъ выводамъ пришли нѣмецкіе соціалисты и радикалы. Они не хотѣли даже понять, что ихъ побѣда надъ Франціей была побѣдой многочисленной арміи (свыше милліона солдатъ), возможной при всеобщей воинской повинности, надъ малочисленной французской арміей (420,000), собранной при существовавшемъ тогда во Франціи рекрутскомъ наборѣ; что побѣда была одержана главнымъ

*) Чтобы познакомиться съ подробностями этого переворота и съ его послѣдствіями, надо прочесть прекрасную историческую работу Джемса Гильома объ Интернаціоналѣ, или же сокращенное изложеніе этого труда, приготовляемое теперь д-ромъ Брупбахеромъ.

образомъ надъ разлагающеюся Второю Имперіею, когда ей уже угрожала революція,—революція, которая принесла бы пользу всему человѣчеству, если бы ей не помѣшало вторженіе нѣмцевъ во Францію.

Такимъ образомъ Парижская Коммуна дала толчокъ идеи анархизма среди латинскихъ народовъ.

***

Въ лицѣ Бакунина, анархическое направленіе, начавшее развиваться въ Интернаціоналѣ, нашло могучаго и страстнаго защитника. Вокругъ Бакунина и его Юрскихъ друзей быстро сплотился небольшой кругъ молодыхъ швейцарцевъ, итальянцевъ и испанцевъ, который далъ болѣе широкое развитіе его мыслямъ.

Пользуясь своими широкими познаніями въ исторіи и философіи, Бакунинъ далъ обоснованіе современному анархизму въ цѣломъ рядѣ сильныхъ статей и писемъ.

Онъ храбро выступилъ съ мыслью о современномъ уничтоженіи Государства, со всѣмъ его устройствомъ, его идеаломъ и его цѣлями. Въ свое время, въ прошломъ, Государство являлось исторической необходимостью. Это было учрежденіе, роковымъ образомъ развивавшееся изъ вліянія, пріобрѣтеннаго религіозными кастами. Но теперь полнѣйшее уничтоженіе Государства является въ свою очередь исторически необходимымъ, потому что Государство—это отрицаніе свободы и равенства; потому что оно только портитъ все, за что принимается, даже тогда, когда хочетъ провести въ жизнь то, что должно служить на пользу всѣмъ.

Каждый народъ, какъ бы малъ онъ ни былъ, каждая община должны имѣть возможность свободно устроиться, какъ они это понимаютъ,—поскольку они не угрожаютъ своимъ сосѣдямъ. То, что на политическомъ нарѣчіи называется «федерализмомъ» и «автономіею», еще не достаточно; это только слова, которыя прикрываютъ власть централизованнаго Государства *). Полнѣйшая

*) Такъ напр. въ Австріи существуетъ «федерализмъ», т. е. отдѣльныя народности (чехи, венгерцы) имѣютъ свои пар-

независимость общины, союзъ свободныхъ общинъ и соціальная революція внутри общины—вотъ идеалъ, который стоитъ теперь передъ нашею общественностью, по мѣрѣ того какъ мы выходимъ изъ мрака прошедшихъ вѣковъ. Человѣкъ начинаетъ понимать, что онъ не будетъ совершенно свободенъ, пока въ такой же степени не будетъ свободно все вокругъ него.

Въ своихъ экономическихъ взглядахъ Бакунинъ былъ полнѣйшимъ коммунистомъ, но по уговору со своими друзьями федералистами изъ Интернаціонала, онъ называлъ себя анархическимъ коллективистомъ, отдавая дань недовѣрію, которое вызвали къ себѣ во Франціи коммунисты государственники. Однако его коллективизмъ конечно не былъ коллективизмомъ Видаля и Пеккера, ни ихъ нынѣшнихъ послѣдователей, которые стремятся просто къ государственному капитализму. Для него, какъ и для его друзей, коллективизмъ означалъ общее владѣніе всѣмъ, что служитъ для производства, не опредѣляя заранѣе, въ какой формѣ будетъ производиться вознагражденіе труда среди различныхъ группъ производителей: примутъ ли они коммунистическое рѣшеніе, или же предпочтутъ марки труда, или равную для всѣхъ поденную заработную плату, или какое либо другое рѣшеніе.

При своихъ анархическихъ взглядахъ онъ былъ одновременно горячимъ пропагандистомъ соціальной революціи, скорое пришествіе которой въ то время предвидѣло большинство соціалистовъ, и которую онъ горячо проповѣдывалъ въ своихъ письмахъ и сочиненіяхъ.

ламенты, состоящіе въ союзномъ (федеральномъ) договорѣ между собою; но Богемія, Венгрія представляютъ собою отдѣльныя союзныя государства. Примѣры значительной «автономіи», т. е. значительной независимости, мы имѣемъ въ городахъ Соединенныхъ Штатовъ и Канадѣ. Но отъ «автономіи» Сѣверо-Американскихъ городовъ до полной независимости, какою пользовались съ 12-го по 16-ый и 17-ый вѣкъ Аміенъ, Флоренція, Нюренбергъ, Псковъ, Новгородъ и тысячи другихъ европейскихъ городовъ, еще очень далеко.

VII

Анархическое ученіе въ его современномъ видѣ.

Если наканунѣ 1848 года и въ послѣдующіе годы, вплоть до Парижской Общины 1871 года, возмущеніе противъ государства принимало форму возмущенія отдѣльной личности противъ общества и его условной нравственности, и проявлялось главнымъ образомъ среди молодого поколѣнія буржуазіи, то теперь, въ рабочей средѣ, оно приняло болѣе серьезный характеръ. Оно преобразилось въ исканіе новой формы общества, свободнаго отъ притѣсненій и эксплуатаціи, которымъ теперь способствуетъ Государство.

Интернаціоналъ долженъ былъ быть, по мысли основавшихъ его рабочихъ, обширнымъ Союзомъ (федераціею) рабочихъ группъ, которыя являлись бы началомъ того, чѣмъ сможетъ стать общество, обновленное соціальною революціею: общество, въ которомъ современный правительственный механизмъ и капиталистическая эксплуатація должны исчезнуть и уступить мѣсто новымъ отношеніямъ между федераціями производителей и потребителей.

При этихъ условіяхъ идеалъ анархизма не могъ болѣе быть личнымъ, какъ у Штирнера: онъ становился идеаломъ общественнымъ.

По мѣрѣ того, какъ рабочіе обѣихъ частей свѣта ближе знакомились между собою и вступали въ непосредственныя сношенія, не взирая на раздѣлявшія ихъ границы, они начинали лучше разбираться въ соціальномъ вопросѣ и съ бо́льшимъ довѣріемъ относились къ своимъ собственнымъ силамъ.

Они предвидѣли, что если бы землею сталъ владѣть народъ, и если бы промышленные рабочіе, завладѣвъ фабриками и мастерскими, стали бы сами управлять промышленностью и направлять ее на производство всего необходимаго для жизни народа, то тогда нетрудно было бы широко удовлетворять всѣ основныя потребности общества. Недавніе успѣхи науки и техники являлись залогомъ успѣха. И тогда производители различныхъ націй сумѣли бы установить международный обмѣнъ на справедливыхъ основаніяхъ. Для тѣхъ, кто былъ близко знакомъ съ фабриками, заводами, копями, земледѣліемъ и торговлею, это не подлежало ни малѣйшему сомнѣнію.

Въ то же время все больше росло число рабочихъ, которые понимали, что Государство, со своей чиновничей іерархіей и съ тяжестью лежащихъ на немъ историческихъ преданій, не можетъ не быть тормазомъ нарожденію новаго общества, свободнаго отъ монополій и эксплуатаціи.

Само историческое развитіе государства было вызвано ничѣмъ инымъ, какъ возникновеніемъ земельной собственности и желаніемъ сохранить ее въ рукахъ одного класса, который такимъ образомъ сталъ бы господствующимъ. Какія же средства можетъ доставить государство для уничтоженія этой монополіи, если сами трудящіеся не смогутъ найти эти средства въ своихъ собственныхъ силахъ и въ своемъ объединеніи? Въ теченіе девятнадцатаго вѣка государство неимовѣрно усилилось въ

смыслѣ утвержденія монополій промышленной собственности, торговли и банковъ въ рукахъ вновь разбогатѣвшихъ классовъ, которымъ оно доставляло дешевыя рабочія руки, отнимая землю у деревенскихъ общинъ и сокрушая крестьянъ непосильными налогами. Какія преимущества можетъ доставить государство, чтобы уничтожить эти самыя привилегіи, если у крестьянъ не будетъ силъ объединиться и добиться этого самимъ? Государственный механизмъ, развиваясь, имѣлъ своей цѣлью созиданіе и укрѣпленіе привилегій — какъ же можетъ онъ послужить ихъ уничтоженію? Развѣ такая новая дѣятельность не потребуетъ новыхъ исполнительныхъ органовъ? И развѣ эти исполнительные органы не должны быть созданы теперь самими рабочими, внутри ихъ союзовъ, ихъ федерацій, безъ всякаго отношенія къ государству?

Тогда, когда падутъ созданныя и поддерживаемыя государствомъ преимущества для отдѣльныхъ лицъ и классовъ, существованіе государства потеряетъ всякій смыслъ. Совершенно новыя формы общежитія должны будутъ возникнуть, разъ отношенія между людьми перестанутъ быть отношеніями между эксплуатируемыми и эксплуататорами. Жизнь упростится, когда станетъ излишнимъ механизмъ, существующій для того, чтобы помогать богатымъ еще болѣе богатѣть на счетъ бѣдныхъ.

Представляя себѣ мысленно свободныя общины, сельскія и городскія, (т. е. земельные союзы людей, связанныхъ между собой по мѣсту жительства) и обширные профессіональные и ремесленные союзы, (т. е. союзы людей, по роду ихъ труда), причемъ общины и профессіональные и ремесленные союзы тѣсно переплетаются между собою, — представляя себѣ такое устройство взаимныхъ отношеній между людьми, анархисты могли уже составить себѣ опредѣленное понятіе о томъ, чѣмъ можетъ быть общество, освободившееся отъ ига Капитала и Государства.

Къ этому имъ оставалось только прибавить, что рядомъ съ общинами и профессіональными союзами будутъ возникать тысячами безконечно-разнообразныя общества и союзы людей въ силу сходства ихъ личныхъ наклонностей. Мало-ли у людей общихъ интересовъ, общественныхъ, религіозныхъ, художественныхъ, ученыхъ, въ цѣляхъ воспитанія, изслѣдованія, или даже просто развлеченія! Такіе союзы, внѣ всякихъ политическихъ или хозяйственныхъ цѣлей, создаются уже теперь во множествѣ; число ихъ несомнѣнно должно расти, и они будутъ тѣсно переплетаться съ другими союзами, какъ земельными, такъ и союзами для производства, для потребленія и для обмѣна продуктовъ.

Эти три рода союзовъ и обществъ, сѣтью покрывающихъ другъ-друга, дали бы возможность удовлетворять всѣмъ общественнымъ потребностямъ: потребленія, производства и обмѣна, путей сообщенія, санитарныхъ мѣропріятій, воспитанія, взаимной защиты отъ нападеній, взаимопомощи, защиты территоріи; наконецъ — удовлетворенія потребностей художественныхъ, литературныхъ, театральныхъ, а также потребностей въ развлеченіяхъ и т. п. Все это—полное жизни и всегда готовое отвѣчать на новые запросы и на новыя вліянія общественной и умственной среды, и приспособляться къ нимъ.

Еслибы общество такого рода развивалось на достаточно обширной и достаточно населенной территоріи, гдѣ самые различные вкусы и потребности могли бы проявить себя, то всѣмъ скоро стала бы ясна ненужность какихъ-бы то ни было начальственныхъ принужденій.

И въ самомъ дѣлѣ, въ современномъ Государствѣ самой большой помѣхой развитію и поддержанію нравственнаго уровня, необходимаго для жизни въ обществѣ, является отсутствіе общественнаго равенства. Безъ равенства—„безъ равенства на дѣлѣ“, какъ выражались въ 1793 году, — чувство справедливости не можетъ сдѣлаться общимъ достояніемъ. Справедливость должна быть одинакова для всѣхъ, авъ нашемъ

обществѣ, разслоенномъ на классы, чувство равенства терпитъ пораженія каждую минуту, на каждомъ шагу. Чтобы чувство справедливости по отношенію ко всѣмъ вошло въ нравы и въ привычки общества, надо чтобы равенство существовало на дѣлѣ. Только въ обществѣ равныхъ мы найдемъ справедливость.

Тогда принужденіе, или, вѣрнѣе, желаніе прибѣгать къ принужденію, перестало бы проявляться. Всякому стало бы ясно, что нѣтъ нужды стѣснять личную свободу, какъ это дѣлается теперь, то страхомъ наказанія, судебнаго, или свыше, то подчиненіемъ людямъ, признаннымъ высшими, то преклоненіемъ передъ метафизическими существами, созданными страхомъ или невѣжествомъ. Все это, въ современномъ обществѣ, ведетъ только къ умственному рабству, къ приниженію личной предпріимчивости, къ пониженію нравственнаго уровня людей, къ остановкѣ движенія впередъ.

Въ средѣ равныхъ, человѣкъ могъ бы съ полнымъ довѣріемъ предоставить собственному разуму направлять себя, такъ какъ разумъ, развиваясь въ такой средѣ, необходимо долженъ былъ бы нести на себѣ печать общительныхъ привычекъ среды. Въ такихъ условіяхъ — и только въ такихъ условіяхъ — человѣкъ могъ бы достичь полнаго развитія своей личности, между тѣмъ какъ восхваляемый въ наше время буржуазіей индивидуализмъ, якобы являющійся для „высшихъ натуръ“ средствомъ достиженія полнаго развитія человѣческаго существа, — есть только самообманъ. Восхваляемый ими индивидуализмъ, наоборотъ, является самой вѣрной помѣхой для развитія всякой ярко выраженной личности.

Въ нашемъ обществѣ, которое преслѣдуетъ личное обогащеніе, и тѣмъ самымъ осуждено на всеобщую бѣдность въ своей средѣ, самый способный человѣкъ осужденъ на жестокую борьбу, ради пріобрѣтенія средствъ необходимыхъ для поддержки его существованія. Какъ бы ни были скромны его требованія, онъ работаетъ, какъ волъ, шесть дней изъ семи, только чтобы добыть себѣ

кровъ и пищу. Что касается тѣхъ, въ сущности очень немногихъ лицъ, которымъ удается отвоевать, кромѣ того, извѣстный досугъ, необходимый для свободнаго развитія своей личности, то современное общество разрѣшаетъ имъ пользоваться этимъ досугомъ только подъ однимъ условіемъ: надѣть на себя ярмо законовъ и обычаевъ буржуазной посредственности, и никогда не потрясать основъ этого царства посредственности, ни слишкомъ ѣдкою критикою, ни личнымъ возмущеніемъ.

„Полное развитіе личности“ разрѣшается только тѣмъ, кто не угрожаетъ никакою опасностью буржуазному обществу, — тѣмъ, кто для него занимателѣны, но не опасны.

* * *

Какъ мы уже сказали, анархисты основываютъ свои предвидѣнія будущаго на данныхъ, добытыхъ путемъ наблюденія.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы будемъ разбирать направленія мысли, преобладающія въ образованныхъ обществахъ съ конца восемнадцатаго вѣка, мы должны признать, что направленія централистское и государственное еще очень сильны среди духовенства, буржуазіи, и тѣхъ рабочихъ, которые получили буржуазное образованіе и сами стремятся войти въ буржуазію; тогда какъ направленія противо-государственное, противо-централистское и противовоенное, также какъ и ученіе о свободномъ соглашеніи, имѣетъ многочисленныхъ сторонниковъ среди рабочихъ и среди хорошо образованной, болѣе или менѣе свободомыслящей части интеллигентной буржуазіи.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ я на это уже указывалъ въ моихъ работахъ („Хлѣбъ и Воля“, „Взаимопомощь“), въ настоящее время замѣчается сильное стремленіе къ созиданію, помимо Государства и Церкви, тысячъ и тысячъ небольшихъ союзовъ для удовлетворенія всевозможныхъ потребностей: экономическихъ (желѣзнодорожныя общества, рабочіе синдикаты и синдикаты предпринимателей,

кооперативы, товарищества земледѣльческія, для вывоза продуктовъ и т. д.), политическихъ, умственныхъ, художественныхъ, воспитательныхъ, для пропаганды и такъ далѣе. То, что прежде было неоспоримою обязанностью Государства и Церкви, теперь составляетъ отрасль дѣятельности свободныхъ организацій.Это направленіе дѣлается все болѣе и болѣе видимымъ. Достаточно было, чтобы дуновеніе свободы немного обуздало Церковь и Государство, чтобы свободныя организаціи начали появляться тысячами. И можно предвидѣть, что какъ только права этихъ двухъ вѣковыхъ враговъ свободы будутъ еще болѣе ограничены, сейчасъ же еще шире разовьютъ свою дѣятельность свободныя организаціи.

Будущее и прогрессъ лежатъ въ этомъ направленіи, а Анархія есть выраженіе того и другого.

VIII

Отрицаніе Государства.

Надо конечно признать, что и на анархистахъ сказалось вліяніе хаотическаго состоянія науки о политической экономіи. Среди нихъ, какъ и среди соціалистовъ-государственниковъ, мнѣнія по этому предмету дѣлятся.

Подобно всѣмъ тѣмъ соціалистамъ, которые остались соціалистами, анархисты считаютъ, что существующая теперь частная собственность на землю и на все необходимое для производства, причемъ въ производствѣ имѣется цѣлью только прибыль, есть зло; что современныя наши общества должны уничтожить эту систему, если они не хотятъ погибнуть, какъ погибло уже множество древнихъ цивилизацій.

Что-же касается тѣхъ средствъ, при помощи которыхъ могла бы произойти эта перемѣна, то тутъ анархисты находятся въ полномъ противорѣчіи со всѣми фракціями соціалистовъ-государственниковъ. Они отрицаютъ возможность разрѣшить задачу при помощи Государственнаго Капитализма, т. е. захвата Государствомъ всего общественнаго производства, или же его главныхъ отраслей.

Передача желѣзныхъ дорогъ, рудниковъ, земли, въ руки современнаго государства, т. е. въ управленіе назначаемыхъ парламентомъ министровъ и ихъ чиновничьихъ канцелярій, не является намъ идеаломъ. Мы въ этомъ видимъ только новую форму закрѣпощенія рабочихъ и эксплуатаціи рабочаго капиталистомъ. И мы конечно не вѣримъ, чтобы государственный капитализмъ былъ путемъ къ уничтоженію закрѣпощенія и эксплуатаціи, или же одной изъ переходныхъ ступеней на пути къ этой цѣли.

Такимъ образомъ, пока соціализмъ понимался въ его настоящемъ и широкомъ смыслѣ, какъ освобожденіе Труда отъ эксплуатаціи его Капиталомъ, анархисты шли въ согласіи съ тѣми, кто тогда были соціалистами. И тѣ и другіе предвидѣли соціальную революцію и желали ея наступленія; причемъ анархисты надѣялись, что революція породитъ новую безъ-государственную форму общества, тогда какъ соціалисты, изъ которыхъ весьма многіе были тогда еще коммунистами, не стремились точно опредѣлить, въ какой формѣ они представляли себѣ будущій переворотъ, а многіе изъ нихъ согласились, что надо непремѣнно ослабить центральную власть.

Но анархистамъ пришлось окончательно отмежеваться, когда, если и не большинство, то очень сильная фракція соціалистовъ-государственниковъ прониклась мыслью, что совсѣмъ не требуется уничтожать капиталистическую эксплуатацію; что для нашего поколѣнія и для той ступени экономическаго развитія, на которой мы находимся, не требуется ничего другого, какъ уменьшить эксплуатацію, заставивъ капиталистовъ подчиниться извѣстнымъ законодательнымъ ограниченіямъ.

На это анархисты не могли согласиться. Если мы въ будущемъ хотимъ достичь уничтоженія капиталистической эксплуатаціи, то уже теперь, съ сегодняшняго же дня мы должны направлять наши усилія къ уничтоженію этой эксплуатаціи. Уже теперь мы должны стремиться къ непосредственной передачѣ всего, что служитъ для производства—угольныхъ копей, рудниковъ,

заводовъ, фабрикъ, путей сообщенія и, въ особенности, всего необходимаго для жизни производителей — изъ рукъ личнаго Капитала въ группы производителей.

Кромѣ того, мы должны беречься отъ передачи средствъ существованія и производства въ руки современнаго Государства. Въ то время, какъ соціалистическія партіи во всей Европѣ требуютъ передачи желѣзныхъ дорогъ, производства соли, рудниковъ и угольныхъ копей, банковъ (въ Швейцаріи) и монополіи спирта Государству, въ современномъ его видѣ, мы видимъ въ этомъ захватѣ общественнаго достоянія буржуазнымъ государствомъ, одно изъ самыхъ большихъ препятствій къ переходу этого достоянія въ руки трудящихся, производителей и потребителей. Мы въ этомъ видимъ средство къ усиленію капиталиста, къ росту его силъ, направленныхъ на борьбу противъ возмутившагося рабочаго. Наиболѣе проницательные изъ среды капиталистовъ прекрасно это понимаютъ. Они понимаютъ, что ихъ капиталы, напримѣръ, будутъ гораздо сохраннѣе и ихъ дивиденды — гораздо надежнѣе, если они будутъ вложены въ желѣзныя дороги, принадлежащія государству и управляемыя государствомъ по военному образцу.

Для тѣхъ, кто привыкъ задумываться надъ соціальными явленіями въ ихъ совокупности, въ этомъ нѣтъ ни тѣни сомнѣнія.—„Нельзя готовить соціальныя перемѣны, не дѣлая никакихъ шаговъ въ направленіи желательныхъ перемѣнъ. Мы будемъ удаляться отъ нашей цѣли, если пойдемъ этимъ путемъ“. И въ самомъ дѣлѣ, это значило-бы удаляться отъ момента, когда производители и потребители станутъ сами хозяевами производства, если начать съ передачи производства и обмѣна въ руки парламентовъ, министерствъ, современныхъ чиновниковъ, которые теперь не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ орудіями крупнаго капитала, такъ какъ всѣ государства теперь зависятъ отъ него. Нельзя уничтожить созданныя въ прошломъ монополіи, создавая

новыя монополіи въ пользу тѣхъ же прежнихъ монополистовъ.

* * *

Мы не можемъ также забыть, что Церковь и Государство были той политической силой, къ которой привилегированные классы — въ ту пору, когда они только еще начинали утверждаться — прибѣгали, чтобы сдѣлаться законными обладателями всякихъ привилегій и правъ надъ остальными людьми. Государство было именно тѣмъ учрежденіемъ, которое укрѣпило увѣренность съ обѣихъ сторонъ въ правѣ пользованія этими привилегіями. Оно было выработано, создано вѣками съ тѣмъ, чтобы утвердить господство привилегированныхъ классовъ надъ крестьянами и рабочими. И, вслѣдствіе этого, ни Церковь, ни Государство не могутъ теперь сдѣлаться тою силою, которая послужила бы къ упитоженію этихъ привилегій.

Ни Государство, ни Церковь не могутъ быть той формой общественнаго устройства, которая возникнетъ, когда будутъ уничтожены привилегіи. Наоборотъ, исторія насъ учитъ, что каждый разъ, когда въ нѣдрахъ націи зарождалась какая-нибудь новая хозяйственная форма общежитія (напр., замѣна рабства крѣпостнымъ правомъ, или крѣпостного права — наемнымъ трудомъ), всегда въ такихъ случаяхъ приходилось вырабатывать новую форму политическаго общежитія.

Точно такъ-же, какъ Церковь никогда не можетъ быть использована, чтобы освободить человѣка изъ подъ ига старыхъ суевѣрій, или—чтобы дать ему новую, свободно-признанную, высшую нравственность; точно такъ же, какъ чувства равенства, тѣсной сплоченности и единенія всѣхъ людей, хотя и проповѣдуются всѣми религіями, но широко распространятся въ человѣчествѣ, только тогда, когда примутъ формы, совершенно различныя отъ тѣхъ, которыя имъ давались Церквами, потому что Церкви завладѣвали ими, чтобы использовать ихъ въ пользу духовенства, — точно также и экономическое освобожденіе произойдетъ,

разбивши сперва старыя политическія формы, нашедшія свое выраженіе въ Государствѣ.

Человѣкъ будетъ вынужденъ найти новыя формы для всѣхъ общественныхъ отправленій, которыя теперь Государство распредѣляетъ между своими чиновниками. Орудіе угнетенія, порабощенія, рабской подчиненности не можетъ стать орудіемъ освобожденія. Вольный человѣкъ сумѣетъ найти новыя формы жизни, взамѣнъ рабской іерархіи чиновниковъ. Эти формы уже намѣчаются. И пока онѣ не выработаются самою жизнью освобождающихся людей,—самою освободительною революціею,—до тѣхъ поръ ничего не будетъ сдѣлано.

Анархія работаетъ для того, чтобы этимъ новымъ формамъ общественной жизни легче было пробить себѣ путь, а пробьютъ онѣ его себѣ, какъ это всегда бывало въ прошломъ, въ моментъ великихъ освободительныхъ движеній. Ихъ выработаетъ созидательная сила народныхъ массъ, при помощи современнаго знанія.

* * *

Вотъ почему анархисты отказываются отъ роли законодателей и отъ всякой другой государственной дѣятельности. Мы знаемъ, что соціальную революцію нельзя произвести законами. Потому что законы, если даже они приняты Учредительнымъ Собраніемъ подъ вліяніемъ улицы (и какъ еще могутъ они быть приняты, когда въ Палатѣ приходится согласовать представителей самыхъ разнообразныхъ требованій?) — даже послѣ того, какъ они приняты Палатой, законы — не что иное, какъ приглашеніе обществу работать въ извѣстномъ направленіи, —поощреніе лицамъ, живущимъ среди народа, чтобы они использовали свою энергію, свою изобрѣтательность, свои организаторскіе и созидательные таланты для проведенія въ жизнь извѣстныхъ направленій. Но для этого требуется, чтобы на мѣстахъ были силы, готовыя и способныя перевести формулы и пожеланія закона въ реальную дѣйствительность *).

*) Что вышло бы, напримѣръ, изъ Положенія 19-го февраля

Въ силу тѣхъ же причинъ, съ самаго возникновенія Интернаціонала вплоть до нашихъ дней, многіе анархисты постоянно принимали дѣятельное участіе въ рабочихъ организаціяхъ, создававшихся для прямой борьбы Труда противъ Капитала. Такая борьба скорѣе, чѣмъ всякая косвенная, политическая агитація, помогаетъ рабочимъ достигнуть нѣкоторыхъ улучшеній ихъ участи: она открываетъ имъ глаза на то зло, которое приноситъ обществу капиталистическое устройство и поддерживающее его Государство; и въ то же время она заставляетъ ихъ задуматься надъ вопросомъ о томъ, какъ организовать потребленіе, производство и непосредственный обмѣнъ между заинтересованными сторонами, не прибѣгая къ помощи ни капиталиста, ни Государства.

**
*

Что касается до формы распредѣленія труда въ обществѣ, освободившемся отъ вмѣшательства Капитала и Государства, то тутъ, какъ мы это уже видѣли, мнѣнія анархистовъ расходятся.

Всѣ сходятся въ отрицаніи той новой формы заработной платы, которая появилась бы, еслибъ Государство взяло въ свои руки орудія производства и обмѣнъ, подобно тому, какъ оно уже завладѣло желѣзными дорогами, почтой, образованіемъ, защитой территоріи. Вновь-пріобрѣтенное промышленное могущество, вмѣстѣ съ уже существующимъ (налоги, защита территоріи, государственная церковь и т. п.) создало бы новое могучее орудіе власти на службѣ у тираніи.

Поэтому большинство анархистовъ присоединяется въ настоящее время къ тому рѣшенію вопроса, которое дается анархистами-коммунистами. Постепенно, среди думающихъ объ этомъ вопросѣ, складывается убѣжденіе,

---

(уничтожившаго крѣпостное право), если бы на мѣстѣ не находились люди, имѣвшіе смѣлость, при всякой грубости и насиліи помѣщика, давать ему подобающій отвѣтъ, и способные заставить Мировыхъ Посредниковъ обуздывать господъ крѣпостниковъ?

что коммунизмъ — по крайней мѣрѣ по отношенію къ предметамъ первой необходимости — представляетъ рѣшеніе, къ которому идутъ современныя общества, и, что въ цивилизованномъ обществѣ единственно возможной формой коммунизма является та, которую предлагаютъ анархисты, т. е. безначальный коммунизмъ. Всякій другой коммунизмъ невозможенъ. Мы переросли его.

Коммунизмъ, по существу своему, предполагаетъ равенство всѣхъ членовъ коммуны, и отрицаетъ поэтому всякую власть. Съ другой стороны, немыслимо никакое анархическое общество извѣстной величины, которое не начало бы съ обезпеченія всѣмъ хотя бы нѣкотораго уровня жизненныхъ удобствъ, добываемыхъ всѣми сообща.

Такимъ образомъ понятія Коммунизма и Анархіи необходимо дополняютъ другъ-друга.

Но наряду съ коммунистическими теченіями, существуетъ также и другое направленіе, которое видитъ въ Анархіи осуществленіе полнаго индивидуализма. Объ этомъ теченіи мы скажемъ теперь нѣсколько словъ.

IX

Индивидуалистическое направленіе.

Индивидуалистическое направленіе въ Анархіи имѣетъ, конечно, главнымъ своимъ основаніемъ желаніе сохранить въ полнотѣ независимость личности. Въ этомъ оно идетъ вполнѣ рука-объ-руку съ коммунистическимъ направленіемъ. Оба стремятся къ тому, чтобы никакія общественныя цѣпи, — въ родѣ тѣхъ, которыя налагала старо-завѣтная семья, или городская община, или цѣхъ (гильдія), въ то время, когда они уже вымирали — не стѣсняли свободнаго развитія личности. Въ этомъ одинаково заинтересованы, и коммунистъ-анархистъ, и индивидуалистъ вообще.

Но индивидуалистскій анархизмъ является также противникомъ коммунистскаго анархизма; и тогда несогласіе между ними бываетъ основано, по нашему мнѣнію, на недоразумѣніи. Анархическій индивидуализмъ представляется намъ въ такомъ случаѣ пережиткомъ старыхъ временъ, когда орудія производства не достигли еще того совершенства, до котораго они дошли теперь, благодаря наукамъ и развитію техники.

Всего какихъ нибудь пятьдесятъ или шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ коммунизмъ представлялся, даже такимъ мыслящимъ людямъ, какъ Прудонъ, въ видѣ всеобщей бѣдноты и всеобщаго подчиненія. Самый скромный достатокъ и возможность располагать частью своего свободнаго времени были тогда достояніемъ весьма небольшого числа людей, жившихъ трудомъ рабочихъ, крестьянъ, или рабовъ. Поэтому тѣ, кому дорога была экономическая независимость, со страхомъ ждали дня, когда имъ нельзя будетъ принадлежать къ небольшой привилегированной кучкѣ людей. Въ личной собственности они видѣли тогда единственное спасеніе для обезпеченія человѣку достатка, досуга, свободы. Не надо забывать, что въ то время Прудонъ оцѣнивалъ все производство Франціи всего въ пять су, т. е. въ 12 копѣекъ, въ день на человѣка.

Теперь, это затрудненіе перестало существовать. При наличности огромной производительности человѣческаго труда, которая достигнута нами въ земледѣліи и промышленности (см., напримѣръ, мою работу «Земледѣліе и Промышленность»), не подлежитъ никакому сомнѣнію, что очень высокая степень достатка могла бы быть достигнута, легко и въ короткое время, при помощи умно организованнаго коммунистическаго труда; причемъ отъ каждаго отдѣльнаго лица не требовалось бы болѣе 4—5 часовъ работы въ день, что даетъ возможность имѣть по крайней мѣрѣ пять совершенно свободныхъ часовъ въ день, послѣ удовлетворенія всѣхъ главныхъ потребностей: жилья, пищи и одежды.

Такимъ образомъ возраженіе всеобщей бѣдности при коммунизмѣ, а слѣдовательно и подавленіе всѣхъ тяжелою работою, совершенно отпадаетъ. Остается только желаніе, совершенно справедливое желаніе, сохранить для личности наибольшую свободу, рядомъ съ выгодами общественной жизни, — т. е. возможность каждой личности въ полности развивать свои личные таланты и особенности.

* *
*

Анархическій индивидуализмъ, т. е. направленіе, ставящее во главу своихъ желаній полную независимость личности, безъ всякой заботы о томъ, какъ сложится общество, — это направленіе въ настоящее время, подраздѣляется на двѣ главныя вѣтви. Во-первыхъ, есть индивидуалисты толка Штирнера, которые въ послѣднее время нашли подкрѣпленіе въ художественной красотѣ писаній Нитцше. Но мы не станемъ долго на нихъ останавливаться, такъ какъ въ одной изъ предыдущихъ главъ уже указали, насколько это „утвержденіе личности“ далеко отъ дѣйствительной жизни, насколько оно оскорбляетъ чувство равенства — основу всякаго освобожденія, т. к. нельзя освобождаться, желая господствовать надъ другими; и на сколько оно приближаетъ тѣхъ, кто зоветъ себя «индивидуалистами», къ привилегированному меньшинству: къ духовенству, буржуа, чиновникамъ и т. п., которые также считаютъ себя стоящими выше толпы, т. е. къ тѣмъ, кто наградилъ насъ Государствомъ, Церковью, Законами, Полиціей, Военщиной и всевозможными вѣковыми притѣсненіями.

Другая вѣтвь «анархистовъ-индивидуалистовъ» состоитъ изъ „мутуалистовъ“,—т. е. послѣдователей Взаимности Прудона. Эти анархисты ищутъ разрѣшенія соціальной задачи въ свободномъ, добровольномъ союзѣ тысячей мелкихъ союзовъ, который ввелъ бы обмѣнъ продуктами, при помощи „марокъ труда“. Марки труда обозначали бы число рабочихъ часовъ, необходимыхъ для производства извѣстнаго предмета, или же число часовъ, которые были потрачены отдѣльнымъ лицомъ на производство общественно-необходимой работы.

Но въ сущности, такое устройство общества вовсе не индивидуализмъ — оно вовсе не является презрѣніемъ общественности, и возвеличеніемъ личности въ противность обществу. Напротивъ того, оно является, подобно коммунизму, одною изъ высшихъ формъ общественности, по сравненію съ теперешнимъ строемъ. Его можно упрекнуть только въ томъ, что оно представляетъ

сдѣлку (компромиссъ) между коммунизмомъ и индивидуализмомъ, такъ какъ проповѣдуетъ коммунизмъ — во владѣніи всѣмъ, что служитъ для производства, и индивидуализмъ, т. е. сохраненіе теперешней заработной платы, личный разсчетъ, въ вознагражденіи за трудъ.

Эта двойственность и является, по нашему мнѣнію, непреодолимымъ препятствіемъ для введенія такой формы общежитія. Невозможно обществу организоваться, слѣдуя двумъ противоположнымъ началамъ: съ однойстороны превращеніе въ общую собственность всего, что было произведено до извѣстнаго дня, а съ другой — строгое сохраненіе личной собственности на то, что будетъ сработано личностью при помощи общественныхъ орудій, запасовъ и т. д.

Не надо также упускать изъ виду огромнаго разнообразія въ машинахъ и въ способахъ производства въ различныхъ мѣстностяхъ и въ развивающейся промышленности. Вслѣдствіе этого разнообразія мы постоянно видимъ что съ такою-то машиною и съ такимъ-то оборудованіемъ производства удается произвести, при той же затратѣ труда и времени, вдвое или втрое больше, чѣмъ когда работаютъ болѣе отсталыми машинами. Такъ, напримѣръ, въ ткацкомъ дѣлѣ въ настоящее время употребляются такіе разнообразные станки, что число станковъ, которыми можетъ управлять одинъ человѣкъ, разнится отъ трехъ до двѣнадцати и до двадцати (въ Америкѣ). Затѣмъ, не слѣдуетъ также упускать изъ виду разницу въ мускульной и мозговой силѣ, которую приходится расходовать отдѣльнымъ рабочимъ въ различныхъ отрасляхъ производства. И, если принять во вниманіе всѣ эти различія, то невольно приходится спросить себя, сможетъ ли когда-нибудь рабочій часъ служить мѣриломъ для торговаго обмѣна продуктами?

Современный торговый обмѣнъ въ капиталистическомъ обществѣ понятенъ; но нельзя понять торговаго обмѣна, основаннаго на числѣ рабочихъ часовъ, потребныхъ для производства даннаго товара въ обществѣ, тогда когда

рабочій часъ перестанетъ уже имѣть торговую цѣнность: когда рабочая сила перестанетъ быть продажнымъ товаромъ.

Если же, въ видѣ уступки личному вознагражденію, было бы введено, кромѣ вознагражденія за „простой“ рабочій часъ, еще особое вознагражденіе за трудъ, требующій предварительнаго обученія, или же еслибъ люди вздумали принимать во вниманіе „возможности повышенія“ въ іерархіи промышленныхъ служащихъ, то этимъ были бы возстановлены тѣ самыя отличительныя черты современной заработной платы, со всѣми ея недостатками, которыя заставляютъ насъ искать средства, чтобы избавиться отъ нея.

Нужно, впрочемъ прибавить, что прудоновская идея «взаимности» имѣла нѣкоторый успѣхъ среди фермеровъ въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ эта система продолжаетъ, повидимому, существовать среди нѣсколькихъ, довольно большихъ фермерскихъ организацій.

* *
*

Къ мутуалистамъ же приближаются и тѣ американскіе анархисты-индивидуалисты, которые въ пятидесятыхъ годахъ девятнадцатаго вѣка были представлены С. П. Эндрьюсомъ (S. P. Andrews), В. Гриномъ (W. Green) и въ особенности—очень талантливымъ мыслителемъ, Лизандромъ Спунеромъ (Lysander Spooner), а въ самое недавнее время — Веньяминомъ Тэккеромъ (Tucker), многолѣтнимъ издателемъ журнала Liberty (Свобода).

Ихъ ученіе идетъ отъ Прудона, но также (у Тэккера) и отъ Герберта Спенсера. Они исходятъ изъ положенія, что для анархиста существуетъ одинъ только законъ это, заниматься самому своими собственными дѣлами. Поэтому, каждая отдѣльная личность и группа имѣютъ «право» поступать, какъ имъ угодно,—даже подчинить себѣ все человѣчество, если у нихъ хватитъ на это силъ. Если бы эти начала, говоритъ Тэ керъ, нашли бы себѣ всеобщее примѣненіе, они не предствляли бы никакой опасности,

потому что могущество каждаго отдѣльнаго лица было бы ограничено равными «правами» всѣхъ другихъ.

Но разсуждать подобнымъ образомъ, по нашему мнѣнію, значитъ отдавать слишкомъ большую дань метафизикѣ и дѣлать совершенно фантастическія предположенія. Говорить, что кто-нибудь имѣетъ «право» уничтожить все человѣчество, если у него на то хватитъ силъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ утверждать, что «права» каждаго ограничены такими же правами всѣхъ, представляется намъ чистѣйшимъ препирательствомъ словами (діалектикою) господъ метафизиковъ, безъ примѣненія къ жизни. Для насъ, правду сказать, такія «словеса» лишены смысла.

Если оставаться въ области дѣйствительной жизни людей, то нѣтъ никакой возможности вообразить себѣ какое бы то ни было общество, или даже простое скопленіе людей, имѣющихъ какое бы то ни было общее дѣло, въ которомъ дѣла одного члена не касались бы всѣхъ остальныхъ. Еще менѣе возможно представить себѣ общество, въ которомъ постоянныя взаимныя сношенія между его членами не вызвали бы интереса каждаго (или, почти каждаго) ко всѣмъ остальнымъ и не сдѣлали бы для него просто невозможнымъ дѣйствовать, не думая о послѣдствіяхъ его поступковъ для общества.

Вотъ почему Тэккеръ, подобно Спенсеру, великолѣпно раскритиковавъ Государство и высказавъ очень важныя мысли въ защиту правъ отдѣльной личности, кончилъ тѣмъ, что возсоздалъ въ лицѣ организаціи для защиты другихъ, тоже Государство, чтобы помѣшать гражданамъ-индивидуалистамъ дѣлать зло другъ другу. Правда, что Тэккеръ признаетъ за такимъ государствомъ только право на охраненіе, но это право и эти отправленія приводятъ къ установленію государства съ тѣми же правами, какими оно пользуется въ настоящее время.

Дѣйствительно, если вглядѣться внимательно въ исторію развитія государства, видно, что оно создалось именно подъ предлогомъ защиты правъ отдѣльной личности. Его законы, его чиновники, уполномоченные охранять интересы

личности, его лѣстничное чино-подчиненіе, установленное, чтобы наблюдать за исполненіемъ законовъ, его университеты, открытые для того, чтобы изучать источники законовъ, и, наконецъ, Церковь, долженствующая освятить идею закона, его раздѣленіе общества на классы для поддержанія «порядка», его обязательная военная служба, созданныя имъ монополіи, наконецъ всѣ его пороки, его тиранія — все, все это вытекаетъ изъ одного главнаго положенія: кто-то, внѣ самой общины, внѣ самаго міра, или союза, беретъ на себя охраненіе правъ личности, на тотъ случай, если ихъ начнетъ попирать другая личность, и понемногу этотъ охранитель становится владыкою, тираномъ.

* *
*

Эти бѣглыя замѣтки объясняютъ, почему индивидуалистическія системы анархизма, если онѣ и находятъ сторонниковъ среди буржуазной интеллигенціи, не распространяются однако среди рабочихъ массъ. Но это не мѣшаетъ, конечно, признать большое значеніе критики, которой анархисты-индивидуалисты подвергаютъ своихъ собратій коммунистовъ: они предостерегаютъ насъ отъ увлеченія центральною властью и чиновничествомъ, и заставляютъ насъ постоянно обращать нашу мысль къ свободной личности, какъ источнику всякаго свободнаго общества. Наклонность впадать въ старыя ошибки чиноначалія и власти, какъ мы знаемъ, слишкомъ распространена, даже среди передовыхъ революціонеровъ.

Такимъ образомъ, можно сказать, что въ настоящее время ученіе анархистовъ-коммунистовъ болѣе другихъ рѣшеній завоевываетъ симпатіи тѣхъ рабочихъ,—принадлежащихъ главнымъ образомъ къ латинской расѣ — которые задумываются о томъ, что предстоитъ имъ въ революціонныхъ выступленіяхъ въ ближайшемъ будущемъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ потеряли вѣру въ «спасителей» и въ благодѣянія Государства.

Рабочее движеніе, дающее возможность сплачиваться боевымъ силамъ рабочихъ и удаляющее ихъ отъ без-

плодныхъ политическихъ партійныхъ столкновеній, а также позволяющее имъ измѣрить свои силы болѣе вѣрнымъ способомъ, чѣмъ путемъ выборовъ — это движеніе сильно способствуетъ развитію анархо-коммунистическаго ученія.

Поэтому, можно безъ преувеличенія надѣяться, что, когда начнутся серьезныя движенія среди трудовыхъ массъ, въ городахъ и селахъ, то несомнѣнно будутъ сдѣланы попытки въ анархо-коммунистическомъ направленіи, и что эти попытки будутъ глубже и плодотворнѣе тѣхъ, которыя были сдѣланы французскимъ народомъ въ 1793 — 1794 годахъ.

БИБЛІОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМІИ

Типографія Листковъ „Хлѣбъ и Воля"
163 Jubilee street, Mile End. London E.